

Фестиваль исследовательских и творческих работ учащихся

«Портфолио»

Секция: Искусствоведение

Амвросий Оптинский – «светоч философской мысли»

второй половины 19 века

Калашникова Мария

МОУ гимназия «Перспектива», 11 класс, г. Самара

Научный руководитель:

Проскурина Галина Владимировна,

учитель мировой художественной культуры

МОУ гимназии «Перспектива»

2008 / 2009 учебный год

Оглавление

Введение	3 стр.
Глава 1. Старчество как уникальное явление	5 стр.
1. 1. Духовное отношение	
1. 2. История старчества в Оптиной Пустыни	
1. 3. «Иди в Оптину, ты там нужен» (Жизнь Амвросия Оптинского)	
Глава 2. «Нравственная философия» Амвросия Оптинского	13 стр.
Глава 3. «Оптина благодать» (образ Оптиной Пустыни и Амвросия Оптинского в произведениях искусства и литературы)	16 стр.
3. 1. Философские истоки романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	
3. 2. Отец Амвросий и образ старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	
3. 3. Стихотворение А. Н. Апухтина «Благословенная Оптина»	
3. 4. Поэма Н. А. Павлович «Оптина»	
3. 5. «Он проникал в душу» (Портрет Амвросия Оптинского работы отца Даниила (Болотова))	
3. 6. Святые лики преподобного Амвросия Оптинского	
Заключение	37 стр.
Примечания	39 стр.
Список использованной литературы	43 стр.
Список иллюстраций	45 стр.
Иллюстрации	47 стр.
Приложение	84 стр.
1. История Оптиной Пустыни	
2. Оптина Пустынь и деятели русской культуры	
3. Н. Павлович. Поэма «Оптина»	

Введение

Оптина Пустынь... В конце 19 века к этому небольшому монастырю близ Козельска были прикованы взоры всей России. «На наших глазах, - писал Борис Зайцев, - совершались бесконечные паломничества в Оптину – от Гоголя, Достоевского, Толстого, Соловьёва, со сложнейшими вопросами души...»¹. Действительно, Оптиная Пустынь (Ил. 1) «казалась самым поэтичным и самым глубокомысленным местом»².

Среди тысячи с лишним монастырей России конца 19 столетия Оптиная Пустынь занимала особое место. Но не богатством, не архитектурой славилась она, а своей удивительной ролью в отечественной культуре и литературе, своими праведными старцами. Отец Павел Флоренский называл Оптину «духовным санаторием»³, и она действительно была местом соединения великого и малого Китежа, средоточием мудрости, к которой тянулись как самые светлые умы России, так и её безымянные дети. И для всех у оптинских старцев находились слова прощения и надежды.

Оптинское старчество – явление исключительное и уникальное. Уникально оно тем, что продолжалось свыше ста лет, с начала 19 века, когда поселился на пасеке близ Иоанно – Предтеченского скита старец Лев и до самого разорения обители, когда «красные» увезли на санях больного и немощного старца Нектария по раннему снегу. Старцы были великими утешителями русского народа. Они выпрямляли «скорченную, покрытую, греховой коростой» душу, читая в сердцах людских, как в раскрытых книгах. Они были воистину той живой водой любви, ради которой и притекал сюда люд со всех концов России»⁴.

Как писал живший при обители Константин Леонтьев, «здесь можно познакомиться с людьми всякого рода – начиная от сановников и придворных до юродивых и калик перехожих! Только, разумеется, надо пожить здесь, не мелькнуть на недельку. В Оптиной видишь в сокращении целую современную Россию и понимаешь, сколь же она богата!»⁵. Сюда поклониться оптинским святыням приезжали Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Как на крыльях мчался в скит Великий князь Константин Константинович Романов - знаменитый поэт К. Р., и Оптиная всегда вдохновляла его. Сюда приходила простая крестьянка со своей бедой, переживая, что у неё умирают индюшата, и тоже получала совет и утешение.

Николай Васильевич Гоголь восхищался оптинским духом: «Нигде я не видел таких монахов, с каждым из них, мне казалось, беседует небесное!... Вошёл я к старцу одним, вышел другим...»⁶. Вот так и вся Россия выходила из кельи старцев иной: утешенной, обновлённой, радостной!

В нашей работе, основанной на философско – богословской мысли старца Амвросия Оптинского, мы ставим **целью** рассмотреть философскую сущность старчества и влияние Оптиной Пустыни на духовную жизнь России второй половины 19 века.

Из русских подвижников большим почитанием был окружён старец Амвросий Оптинский. «Он... так много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний...»⁷.

В работе мы ставим перед собой следующие задачи:

1. Рассмотреть учение Амвросия Оптинского в русле развития русской культуры второй половины 19 века.
2. Определить ценность и значение философско – богословских воззрений старца Амвросия Оптинского.
3. Исследовать произведения искусства, запечатлевшие образ Оптиной Пустыни и облик старца Амвросия Оптинского.
4. Выяснить роль Оптиной Пустыни в русской культуре второй половины 19 века (на примере романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»).
5. Актуализировать образ Амвросия Оптинского для современного общества.

При написании данной работы автор использует общенаучный метод исследования, в частности критический анализ и синтез научной и публицистической литературы, анализ произведений искусства как способы исследования.

Оптина Пустынь, по мнению В. Солоухина, - это «простота нашей земли, это наша культура, это мера нашей цивилизованности»⁸. Автор данной работы считает, что мысль писателя раскрывает и философское наследие Амвросия Оптинского, потому что осознание «нравственной философии» старца воспитывает в нас нравственные и патриотические чувства, позволяет шире смотреть на мир, побуждает к размышлению.

Мы не согласны с мнением Тажурзиной З. и Никонова К., что «оптинское старчество – важный «пропагандистский орган православной церкви»⁹. Амвросий Оптинский – это «сочувственный взор, ласковое слово, понимание человека как самое великое и редкое сокровище»¹⁰. Поэтому автор данной работы придерживается мнения Павлович Н. о том, что старцы (Амвросий Оптинский в частности) – это высокой духовной жизни люди, в кельях которых «пробуждалась спавшая совесть и осмысливалась жизнь»¹¹.

Русское благочестие веками питалось идеями христианского подвижничества, следовательно, мы обратились к жизнеописанию Амвросия Оптинского¹² и к его собранию писем¹³.

Ценную помощь нам оказали статьи Н. Ильичёвой¹⁴, А. Просвирника¹⁵.

Оптина Пустынь – памятник духовности нашего народа. Анализ пастырства оптинских старцев посвящена публикация игумена Андроника (Трубачёва)¹⁶.

Интересные сведения о старчестве содержатся в статье Н. Павлович¹⁷. Она рассматривает старчество как «особый путь самопознания». Оптинских старцев как

«умудрённых людей, духовных наставников не только простого народа, но и русской интеллигенции считает В. Солоухин¹⁸.

Автор данной работы согласен с вышеприведёнными высказываниями и считает, что идеал старчества – это постоянное духовное совершенствование.

Образ Оптиной Пустыни и старца Амвросия Оптинского нашёл отражение в поэзии и изобразительном искусстве, но в исследовательской литературе это не освещено. Поэтому автор работы предоставляет собственный анализ памятников слова и живописи.

Анализ философского наследия Амвросия Оптинского и выявление его вклада в отечественную философскую мысль требует отдельного труда и ждёт своего исследователя, мы лишь только прикоснулись к «гармонии философской мысли» оптинского старца.

Для чего нынешнему, чрезвычайно занятому человеку вглядываться в былое? Для чего напоминать о том, что были некогда великие старцы, к которым приезжали великие русские писатели? Для того, чтобы в начале 21 века представить себе сияние Оптиной Пустыни и накопленное в её стенах огромное духовное и культурное богатство. Поистине, её бытие наполнено было высочайшим содержанием. И с каких бы мировоззренческих позиций к нему ни подходить, с какой бы непримиримостью ни относиться к монастырю вообще, - оно, это содержание, не перестаёт быть н а ш и м, не перестаёт быть неотъемлемой частью народной души, истории и жизни.

Исходя из вышеизложенного мы считаем, что тема, рассматриваемая нами, является актуальной для возрождения духовно – нравственных ценностей современного общества.

Глава 1. Старчество как уникальное явление

1. 1. Духовное отношение

Старчество – это особое благодатное дарование. «Идея старчества, - пишет митрополит Трифон (Туркестанов), - начиная с первой главы Книги Бытия, проходит по всему Ветхому Завету вплоть до явления Спасителя»¹⁹.

Что же такое старец? С богословской точки зрения – инок, опытный в духовно – аскетической жизни, обладающий особым талантом - «даром рассуждения» (ап. Павел), духовный отец монашеской братии, а также многих мирских, прибегающих к старцу как к последней надежде. К. Н. Леонтьев отмечал: «...из людей, долго зажившихся в миру, как бы искренны и добросовестны они ни были, очень редко выходят замечательные духовники и старцы – руководители. Большинство знаменитых старцев очень рано оставляло мир и посвящало себя иноческой жизни»²⁰.

Старец призывается на служение Самим Богом, проходит святоотеческим путём тяжёлый подвиг, достигает бесстрастия, чистоты сердечной, проникается изобильно Божественным светом благодати Святого Духа, преисполняется любовью, ему открывается

воля Божия. Он получает особый дар – направлять души ко спасению и врачевать их от страстей, дар руководства, основанный на водительстве Святым Духом пасомых ко спасению. Он требует от носителя этого дара мудрого и любвеобильного попечения о вверившихся ему душах.

Рассуждение ставится святыми отцами превыше всех других дарований, что особенно видно из жизнеописания преп. Антония Великого. «Не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству, но кто вошёл в бесстрастие и принял дар рассуждения», - говорит преп. Пётр Дамасский²¹. Григорий Нисский выделял такие свойства старца, как любомудрие, бесстрастие, одушевлённую деятельность в добродетели, а Василий Великий – любовь²².

Старчество как особый духовный союз, по определению преп. Амвросия Оптинского²³, состоит в искреннем духовном отношении и послушании духовных детей своему духовному отцу или старцу. Это духовное отношение состоит не только в исповеди перед Святым Причащением, но преимущественно в частом, даже ежедневном, исповедании иноком старцу не только поступков, размышлений и всех малейших страстных движений мыслей и сердца, но и в испрашивании совета и благословения на любые действия, соединённые с искренней, твёрдой решимостью осуществить всё то, что укажет старец.

Что до самих старцев, то они сравнивали семейную мирскую жизнь с виноградной лозой, а свою монастырскую, с сухой палкой, на которой и держится вся лоза. Одно без другого невозможно²⁴.

Послушание старцу, отсечение своей воли – это не стеснение свободы, а стеснение произвола падшего человеческого разума, не понимающего всеблаготворности, всесовершенной воли Божией. Нравственная христианская свобода заключается не в своеволии, в самоограничении.

Истинная, хотя часто скрытая, причина несчастного положения человека в его религиозной и нравственной потерянности, синонимом которой служит понятие греха в том значении, как его трактует П. А. Флоренский: «Грех – момент разлада, распада и развала душевной жизни... Я захлёбывается в потоке мысленном» страстей». «Тогда, - добавляет Флоренский, - действительно не «я делаю», «со мной делается», не «я живу», а «со мной происходит»²⁵.

Старец выводит человека из состояния «потерянности», возбуждает в нём «зрячую волю», позволяющую преодолеть внутренний и внешний распад. Почему многие после исповеди и бесед со старцем испытывали чувство необыкновенного облегчения, хотя иногда не находили у него утешения или прямой помощи? Именно потому, что старец расчищал путь духу, извлекал человека из всепоглощающего морального умственного хаоса современной жизни. Старец вводил в упорядоченный и просветлённый христоцентрический мир, где

пребывал сам, где духовная личность обретала в себе тот же порядок, и свободу, и силу противостоять бытийному хаосу, а вместе с тем – и житейским невзгодам²⁶.

Отношения между учеником и старцем основаны на полном доверии ученика к своему учителю и ответственности за судьбу вручаемой ему души.

Имея особый дар сострадательной, жертвенной любви, старцы чужие горести и падения воспринимают как свои собственные. Они – христианские пророки – утешители.

1. 2. История старчества в Оптиной Пустыни

Начало старчества в Оптиной Пустыни относится ко времени переселения в неё преп. Льва в 1829 году. До этого времени почти все оптинские монахи, в основном, обращали внимание на внешнюю сторону монашества: псалмопение, пост, бдение, молитву с поклонами – и в этом полагали сущность монашества; внутреннюю же его сторону, совершенствование духа, оставляли в забвении: каждый жил по своим понятиям, подвизался, как умел.

Препп. Моисей и Антоний были хорошо знакомы с творениями отцов – подвижников, знали о необходимости духовного руководства как важного условия иноческой жизни и желали ввести его в Оптиной Пустыни. Но при тогдашних духовных силах оптинской братии не было лиц, которые могли бы положить начало старчеству. Сам преп. Моисей был перегружен сложными настоятельскими обязанностями, а преп. Антоний был слаб здоровьем, чтобы взять на себя введение старчества, обычая для многих братий совершенно незнакомого и тяжёлого, так как оно требовало постоянного внимания к самым малейшим движениям мысли и сердца. Для этого необходим был человек, опытный в духовно – аскетической жизни, обладающий даром рассуждения, твёрдый и смелый, который мог бы преодолеть все препятствия на пути его утверждения. Именно таким был старец Лев. Ему поручил преп. Моисей руководство братией. Многие из тех, кто привык за долгие годы монашества только к внешнему деланию, не понимали, что значит борьба со страстями, очищение сердца от дурных наклонностей путём откровенных помыслов, послушание. Для некоторых же введение старчества казалось пустым делом и чуть ли не ересью.

Старчество в Оптиной Пустыни основывалось на тех началах, которые проводил в своей деятельности преп. Паисий Величковский (умер в 1794г.) (ИЛ. 2). У преподобного Паисия всё было обращено на внутреннюю сторону иноческой жизни. Он же указывал и на один из главных источников иноческого воспитания – чтение святоотеческих творений и правильное их применение в монашеской жизни. Чтение святоотеческих книг старцы ставили первым занятием инока в свободное от Богослужения время, и постепенно оно стало обязательным для всей братии. Было введено откровение помыслов – ежедневное исповедание своих мыслей и чувств как неотъемлемое условие для достижения духовного совершенства. Во главу всех

советов и наставлений старцы ставили смирение и духовность как сущность христианской жизни.

Временем полного утверждения старчества можно считать начало 1840 – х. годов. Старчество укрепилось благодаря деятельности преп. Макария и продолжало процветать при преп. Амвросии и последующих преемниках.

Старцы Оптиной Пустыни (отец Амвросий и другие) являли собой великие образцы духовности, и к ним стекался народ со всей России. Если считать Троице Сергиеву лавру духовным сердцем России, а созданные учениками Сергия монастыри – духовной кровеносной системой России, то можно сказать, что Оптина пустынь влила новую кровь в его духовное тело. Философ Фёдоров писал, что «Оптина и Саров – два костра, у которых обогревается Русь»²⁷.

Оптина Пустынь завершает собой значительный период в истории русского подвижничества – с 14 по 19 век. Старцы Оптиной дали новую жизнь традициям восточно-христианской аскетики, слив их с духовным опытом русских подвижников – Феодосия Печёрского, Сергия Радонежского, Нила Сорского, Паисия Величковского, Тихона Задонского, Серафима Саровского. Пора Расцвета Оптиной – с 1830 – х до 1890 – х годов – отмечена органическим единством религиозно – философской мысли и нравственно – аскетической практики, что особенно было свойственно старцам Макарию, Амвросию и их окружению. «Путь «внутреннего устройства», сама монашеская схима стали в Оптиной формой общественного служения, ибо отзывались на духовные запросы нации, утоляли тоску по христианскому идеалу, сильную и глубокую как в народной массе, так и в части интеллигенции»²⁸.

Из трёх оптинских старцев отец Лев (Ил. 3, 4) знаменовал собой первую ступень восхождения подвижника к нравственно – религиозному идеалу. В нём открылось зрелище духа, борющегося могучую плоть, в напряжении одолевающего плен телесной и мирской природы человека; это напряжение выражалось в нередком юродстве Леонида.

В старце Макарии будет явлен дух, поднявшийся к иным испытаниям и искусам – над телесной природой, словно не без Промыслительной воли повреждённой от рождения (Макарий был косноязычен, почему не мог отправлять службу в храме, и имел неправильность черепа, приведшую к косоглазию) (Ил. 5, 6).

Наконец, в Амвросии восторжествует дух, освободившийся вполне и почти воспаривший над плотью (старец и ходил, казалось, не касаясь земли, таково впечатление знавших его) (Ил. 7).

Отец Макарий вообще был склонен (как впоследствии Зосима Достоевского) выносить иноческий подвиг в мир. «Немощь наша исцеляется не уединенным отшельничеством, -

настаивает он, - но деланием и претерпением досады креста», - так своеобразно переводит Макарий на свой аскетический язык одно из наставлений Исаака Сирина. Место же в миру оставлять не следует, ибо, если в светских делах хранится совесть, их также можно назвать духовным подвигом²⁹.

Идея подвижничества в миру настойчиво утверждалась и доводилась до практического повседневного исполнения, без снятия схимы, и Макарием, и затем, столь же последовательно – Амвросием. Эта черта, принадлежавшая византийской и древнерусским традициям, одновременно принадлежит, считает Г. П. Федотов, к новым формам святости в России в 19 веке. Она обнаруживается в старчестве «как особом институте преемственности духовных даров и служения миру», она прямо порождает «духовную жизнь в миру, в смысле монашеского делания, соединяемость с мирским бытом»³⁰. Федотов правомерно видит в появлении таких форм святости возрождение христианской духовности в России. Мы же сверх того должны отметить, что мощно возродившиеся традиции православного подвижничества глубоко вошли в литературу второй половины 19 века, разнообразно преломляясь у Ф. Достоевского, Н. Лескова, Л. Толстого, Н. Некрасова. «В «Братьях Карамазовых», в «русском иноке» явилось уже сложное сочетание черт восточнохристианской аскетики 4 – 9 веков (на что указывал В. В. Розанов) с русским подвижничеством 18 – 19 столетий, в том числе и с оптинским старчеством»³¹.

Чрезвычайно важная сторона трудов Макария – издание святоотеческого наследия, в 17 – 18 веках малодоступного в России. О. Макарий в сотрудничестве с И. В. Киреевским, его женой, а также с помощью образованных монахов – оптинцев – о. Амвросия, о. Леонида (Кавелина), о. Анатолия – и горячо сочувствующих этому делу мирян подготовил и издал, во – первых, житие и писания Паисия Величковского. А затем творения Варсонофия, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита, Максима Исповедника, Исаака Сирина, Марка Подвижника, Иоанна Лествичника и других восточных аскетов.

В изданиях Оптиной, в эпистолярном и дидактическом творчестве старцев православное любомудрие той поры и духовная словесность по своей проблематике, по интересу к внутреннему человеку даже по иным стилевым чертам близко подходили к литературе 1850 – 1870 –х. годов.

В оптинском старчестве сказались далеко не одни «бессознательные исторические силы». Чтобы понять смысл и значение старчества, надо помнить, что вся нравственно – аскетическая деятельность оптинцев – это русское выражение древних, духовно неисчерпаемых традиций восточнохристианской аскетики и богословия, что эта деятельность - единственное приложение к делу святоотеческого учения о человеке.

Современники сравнивали Оптину Пустынь со «Святой землёй», «духовным» оазисом»³². Природа и человек сделали здесь всё, чтобы создать чудный, уютный уголок, в мечтательной тишине которого невольно забывается жизнь с её обычными нуждами и заботами. «Из окон открывается чисто русский пейзаж, который ничего не скажет, может быть, иностранцу, но хватает за сердце русского человека»³³.

Важно отметить наиболее существенные черты оптинского старчества. «Старчество в Оптиной пустыни достойно внимания тем, что оно преемственно, то есть продолжалось в Оптиной Пустыни целое столетие непрерывно»³⁴.

Другую особенность оптинского старчества можно назвать присущим только русскому языку словом «соборность», то есть «особое единство в Духе, нерасторжимое единство, духовное единокровие, союз мира и искренней любви, что каждый из них готов был за другого душу положить»³⁵. «Даже взглядом боялись оскорбить, испрашивая прощения при малейшем оскорблении брата»³⁶.

Третьей характерной чертой оптинского старчества можно считать «такое его свойство, как народность»³⁷. Это понятие включает в себя многое: и просвещение, и благотворительность, и скорбь за своё Отечество, и стремление оказать ему помощь молитвами и благодеяниями. Одним из главных переживаний Амвросия Оптинского «было ослабление православных устоев в жизни российского общества»³⁸.

Именно оптинские старцы доказали своим примером, что «доля старца – быть на служении всему человечеству»³⁹.

1. 3. «Иди в Оптину, ты там нужен» (Жизнь Амвросия Оптинского)

Последний, самый знаменитый оптинский старец – это преемник о. Макария иеросхимонах Амвросий (Александр Михайлович Гренков) (Ил. 8).

Он родился в Тамбовской губернии в 1812 году в многодетной семье сельского дьячка. Смышлёный, бойкий, весёлого нрава, он выделялся своими способностями в Тамбовском духовном училище, в семинарии, легко прошёл весь курс богословских наук, обнаружив особенную склонность к языкам (кроме церковно-славянского, он неплохо знал греческий, еврейский, татарский, французский) и к литературе.

Незадолго до окончания семинарии Александр опасно заболел и дал обет: если останется жив, постричься в монахи. Натура его, однако, мало к тому располагала: он всегда любил весёлый дружеский круг, до страсти увлекался музыкой, одно время даже собирался вступить в военную службу.

С этого момента началась мучительная для юноши внутренняя борьба. Данный им обет, какое – то смутное душевное влечение обращали его помыслы к иночеству. Мирские же

привязанности и привычки не отпускали. Так продолжалось четыре года, пока он не побывал у Троекуровского затворника Иллариона. Тот с первых же слов сказал Александру: «Иди в Оптину, ты там нужен». Осенью 1839 года Александр уехал в пустынь тайком, ничего не сказавши начальству Липецкого училища, где он преподавал последнее время. Уже позже в письме он объяснил своё решение и просил благословения.

Послушничал Александр Гренков при о. Леониде и о. Макарии; первые три года работал на кухне, а затем стал письмоводителем у о. Макария. Испытания не оставляли его и в монастыре; но он вкусил уже высших духовных даров, его воля уже знала высшие цели, и на подвижнической стезе он оставался твёрд. В 1845 году его посвящают в иеромонахи, после кончины старца Макария в 1860 году Амвросий принимает на себя полный труд оптинского старчества (Ил. 9).

Старец Амвросий скончался в 1981 году в основанной им Казанской Шамординской пустыни (в 12 верстах от Оптиной). Всю дорогу до Оптиной гроб с его телом несли на руках, и свечи, горевшие в руках провожающих, несмотря на сильный дождь, не гасли. По свидетельству очевидцев, на погребении присутствовало около восьми тысяч человек.

Дело, начатое великим оптинскими старцами 19 века, до последних дней продолжали ученики старца Амвросия: старцы Иосиф (18437 – 1911), Анатолий (Зерцалов; 1824 – 1897), Варсонофий (Плеханов; ум. В 1912), Анатолий (Потапов; ум в 1922г.), Нектарий (Тихонов; 1856 – 1928).

Амвросий – самый известный из оптинских старцев. Дело тут не только в том, что любой комментарий к «Братьям Карамазовым» укажет на Амвросия как на прообраз старца Зосимы, духовного наставника Алёши Карамазова, мудреца и провидца. «Про Зосиму говорили многие, что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце своё и жаждавших от него совета и врачебного слова, до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрёл прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришёл, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово». Эти слова Ф. М. Достоевского⁴⁰ вполне могут быть отнесены к Амвросию, хотя один из самых умных русских людей второй половины 19 века, публицист и критик Константин Николаевич Леонтьев (написавший, кстати, блестящую книгу об одном из оптинских старцев – отце Клименте Зедергольме и сам в 1891 году принявший в Оптиной Пустыни тайное пострижение) утверждал: «В Оптиной «Братьев Карамазовых» правильным православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож»⁴¹.

Мы не считаем себя вправе выяснять сейчас, кто более прав: Достоевский с его проповедью всечеловеческого братства или Леонтьев с его верностью православной аскезе. Важно то, что личность, оказавшаяся в центре их спора, им обоим представляется выдающейся.

Общественную деятельность Амвросия лучше всего определяет одно очень хорошее русское слово, какого не сыскать в другой земле. Отец Амвросий жалел.

Амвросий, несомненно, обладал редкостным знанием человеческой природы, бытовых обстоятельств русской жизни – многолетнее общение с шедшими отовсюду в Оптину богомольцами давало ему изобильный для этого материал. Он приобрёл поражающий всех дар угадывать состояние души и даже помыслы пришедшего к нему ещё до того, как тот начнёт свою исповедь. Амвросий действительно способен был многое прозревать в душе человека и прямо предсказывать в его судьбе. А вместе с тем мог дать и дельный совет в семейных делах в устройстве имения. «Старец следовал совету Исаака Сирина: изливай на всех милость свою и будь скрыт от всех»⁴². Амвросий помогал словом и делом, наставлял, врачевал душу, излучая неиссякаемое человеколюбие, покорявшее даже тех, кто был предубеждён против него.

И В. В. Розанов видит в Амвросии прежде всего ярко выраженный «святой тип», тип «лечащий и целебный». Приведя примеры благодеяний старца, он заключает: «Таковыми путями, каждого своим, старец Амвросий возводил мелких и ослабевших людей всё в гору, всё к лучшему – и, очевидно, сам цвёл и жил этим возрастающим благополучием»⁴³.

Назначение старчества В. В. Розанов здесь усматривает почти исключительно в психологически – бытовом выправлении ослабевших и бедствующих мирян: «Хрупкие воли, переменчивые желания, раз они попадали в руководство старца, выглаживались, выравнивались, получали одно стойкое направление»⁴⁴. Под тем же углом зрения смотрит он на русскую «тихую обитель», в которой за века её существования «выразилось бытовое творчество бессознательных исторических сил»⁴⁵.

Старец Амвросий, конечно, принадлежит жизни земной, но его хриstopодражательный подвиг обращён к благу ближнего. Несомненно и то, что Амвросий Оптинский духовно принадлежит к тому миру, высшей реальностью и идеальной мерой которого является богочеловеческая личность Христа. Отец Амвросий тесно связан с этим миром, с его центром, непрестанной, напряжённо творимой им «иисусовой молитвой». «Он мыслит и действует всегда в системе этических и мистических отношений этого мира и только из него обращается к человеку, стараясь (в чём состоит цель старческого руководства) ввести его в этот мир и дать ему в нём достойное место»⁴⁶.

Глава 2. «Нравственная философия» Амвросия Оптинского

«Он до того принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрёл прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать, с чем тот пришёл, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, слушал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово»⁴⁷. Амвросий Оптинский – продолжение той школы нравственного самосовершенствования, которая развивалась в Оптиной Пустыни. Оптинский старец учил, что «нет выше добродетели, чем любовь, и нет хуже порока и страсти, как ненависть»⁴⁸. Он призывал к доброте, простоте, благожелательности к ближнему и сам отличался приветливостью, участием и жалостью к людям. «Жить – добро творить, уклоняться от всякого зла»⁴⁹. По его словам, «прогресс – дело человеческой души, а не общественных отношений»⁵⁰.

Амвросий Оптинский (Ил. 10) являл собой образ «живого человека...» Я видел человека, говорил с человеком, увидел человека таким, каким он может быть», - вспоминали о нём современники⁵¹. По – видимому, «секрет, старческой притягательности» Амвросия Оптинского состоял в том, что он являл собой образ «вполне прекрасного человека»⁵², а старчество представляло собой школу нравственного самосовершенствования. Так в чём же состояло это совершенство? Обратимся к письмам старца Леонида. В одном из писем он высказал такую мысль: «Именно за нелюбовь к ближнему осудятся на страшном суде грешные, а праведные за исполнение оного будут оправданы»⁵³. С не меньшей определённой и гораздо большей выразительностью излагал он свои взгляды по этому поводу в другом письме, говоря, что «не имеющий любви ничего не имеет»⁵⁴. О том же годы спустя напоминал Амвросий Оптинский. «Любовь, конечно, выше всего», – поучал старец и желающим идти силою любви давал неожиданный совет: «Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь её иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твою любовь»⁵⁵.

Мысли, созвучные учению Амвросия Оптинского, мы находим в Евангелии: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»⁵⁶; в первом послании Иоанна Богослова: «Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нём соблазна; а кто ненавидит брата своего, тот ещё во тьме. И во тьме ходит и не знает, куда идёт, потому что тьма ослепила ему глаза»⁵⁷.

Исходя из этих мыслей, автор данной работы согласен с выводом Ф. М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы», когда в главе «Тлетворный дух» он писал, что Зосима «привлёк к себе многих, и не столько чудесами, сколько любовью, и воздвиг кругом себя как бы целью мир его любящих...»⁵⁸.

Основу «нравственной философии» в одном из писем изложил отец Леонид, говоря, что для спасения души нет необходимости морить себя голодом, носить вериги, а при этом забывать о любви к ближнему⁵⁹. Мнения Амвросия Оптинского в изложении его биографии звучит следующим образом: «Все труды и подвиги телесные и даже самоумерщвление, если они не направлены к исполнению добродетелей, и в особенности смирения, не только не приносят пользы душе человека, но, наоборот, приносят вред»⁶⁰.

Старец Амвросий учил: «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать»⁶¹. Казалось бы, всё очень просто, но только чтобы действительно так жить, надо немало над собой потрудиться. «Отличительным его свойством была христианская любовь... Его можно назвать проповедником любви»⁶².

К старцу Амвросию как к последнему прибежищу обращались люди в самых отчаянных душевных состояниях. И не было такого страшного греха, признание в котором заставило бы отшатнуться старца Амвросия, оттолкнуть пришедшего, отказать ему в надежде на спасение. Не было греха, способного превысить меру его сострадания и любви к измученной душе человека. Каждого, как бы ни была черна его совесть, старец принимал с радостью и, казалось, с тем большей, чем отверженнее, презреннее, ничтожнее выглядел человек в глазах окружающих. И часто одного только этого излучения любви и бесконечной веры, исходившего от больного, беспомощного, почти всегда лежащего старика, без всяких слов оказывалось достаточно пришедшему, чтобы обрести надежду, духовно распрямиться и почувствовать себя человеком.

«Нравственная философия» Амвросия Оптинского способствовала обогащению духовной жизни людей. По мнению, С. Аверинцева она «заменяла собой научную психологию, давала ощущение глубин, скрытых за поверхностью человеческого поведения и сообщала психологические измерения искусству и поэзии»⁶³.

Преподобный Амвросий Оптинский имел высокий и ясный ум, непреклонную волю и любвеобильное сердце. Старец не только звал к свету и духовному обновлению, но и сам был светильником, который привлекал всех желавших духовного просвещения. Полный глубокого смирения, он исполнен был не только бесконечной самоотверженной любви к ближним, но и даром духовного рассуждения. «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится: чуть одной точкой касается земли, а остальным стремится вверх: а мы как ляжем, так и встать не можем»⁶⁴. Этими словами старец учил не отдаваться обстоятельствам внешней жизни, а иметь возвышенный строй мыслей.

Из переписки Амвросия Оптинского мы узнаём о том, какую роль и значение старец отводит духовному познанию. Духовная жизнь – это питание «внутреннего человека», «постижение вещей общечеловеческих и есть духовное восхождение»⁶⁵. Источник силы

человека – «наука, ум человеческий». Отрицание науки – «возвращение к первобытному состоянию»⁶⁶.

Последний великий оптинский старец Нектарий в своём учении развил мысль Амвросия Оптинского: «Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот вырастал в познании. В божественном творчестве нет остановки, всё движется, и ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям»⁶⁷.

Корень зла, начало всех страстей Амвросий оптинский видел в гордыне и самолюбии. «Самолюбие, как тёмная завеса, заслоняет от нас свет истины и не позволяет насладиться нам истинным познанием»⁶⁸.

Старец Амвросий учил, что посылаемые человеку испытания являются его утверждением в добром направлении, «потому что без испытания добро твёрдо не бывает»⁶⁹.

Амвросий Оптинский – наставник и утешитель, целитель недугов телесных и душевных. «Грехи, - говорил он, - как грецкие орехи, - скорлупу расколешь, а зерно выковырять трудно»⁷⁰.

Старец учил тому, что в трудных жизненных обстоятельствах надо стараться не скорбеть, потому что «горе как море – чем более человек в него входит, тем более погружается...»⁷¹.

О зависти и памятозлобии преподобный Амвросий говорил: «Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какое – нибудь дело врагам своим. А главное – не мстить им и быть осторожным, чтобы как – нибудь не обидеть их видом презрения и унижения»⁷².

Всех приходивших к нему отец Амвросий учил прежде всего терпению и любви к ближнему, без чего невозможно нравственное совершенствование. Советы и поучения старца были преисполнены глубокого и понятного каждому смысла. «Где просто, там ангелов до ста, а где мудрено, там ни одного»⁷³.

Многим запомнились часто повторяемые оптинским старцем слова: «Тщеславие, если его тронуть пальцем, кричит: «Кожу дерут!»»⁷⁴.

Его глубокое знание человеческой природы, проницательная наблюдательность и житейская опытность были необыкновенными. В письмах Амвросий Оптинский философски размышляет о человеческой природе: «Человек как жук. Когда тёплый день и играет солнце, летит он, гордится собой и жужжит: «Все мои леса, все мои луга! Все мои луга, все мои леса!». А как солнце скроется, дохнёт холодом и загуляет ветер, забудет жук свою удаль, прижмётся к листку и только пищит: «Не спихни!»»⁷⁵.

Старец Амвросий часто предостерегал от чрезмерных, не по силам налагаемых на себя подвигов поста и молитвы. «В духовной жизни важны мудрая постепенность и рассуждение»⁷⁶,

то есть вся жизнь человека должна проходить в постоянном совершенствовании, в стремлении к постоянному познанию.

Глава 3. «Оптина благодать» (образ Оптиной Пустыни и Амвросия Оптинского в произведения искусства и литературы)

3. 1. Философские истоки романа Достоевского «Братья Карамазовы»

Духовность старцев Оптиной Пустыни привлекала к стенам обители русскую интеллигенцию, которая по – своему старалась найти истину и выразить найденное. Великий подвиг оптинских старцев состоял в том, что они не оттолкнули интеллигенцию, почувствовали этот порыв благой воли, но в то же время не поддались соблазну стушеваться перед громкими именами. Оптинские старцы, напитанные духовностью, могли дать литературному произведению оценку, гораздо более глубокую, чем самая внимательная критика.

В середине 19 столетия в «богоизбранное братство» монастыря вошли светские писатели и философы, потому что старцев и писателей объединяла особенность национального характера. «Эта любовь ко всякому, даже без различия его веры, есть черта, объединяющая православных старцев и светских писателей» (Ил. 11)⁷⁷.

В Оптиной пустыни писатели и философы попадали в нужную им атмосферу, потому что часто они приезжали в Оптину в состоянии душевного кризиса, а уезжали примирёнными с собой и успокоенными. Писателей и философов притягивал опыт нравственного самосовершенствования, который имели оптинские старцы. «Существеннее всяких книг и всякого мышления найти святого православного старца, который мог быть твоим руководителем»⁷⁸.

Со старцем Амвросием связаны имена философа В. С. Соловьёва, писателей Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Но до встречи с преподобным Амвросием в конце 1870 –х годов в жизнь Ф. М. Достоевского входят два больших мыслителя, определяя своим влиянием его религиозно – философскую концепцию. Это – Владимир Сергеевич Соловьёв и Николай Фёдорович Фёдоров.

Молодой магистр и доцент Московского университета, автор блестящей диссертации «Кризис западной философии» и замечательного исследования «Философские начала цельного знания», В. С. Соловьёв (Ил. 12) очаровал Достоевского вдохновенным учением о духовном преображении мира. Он проповедовал учение о Софии Премудрости Божией и изъяснял смысл истории как богочеловеческого процесса. Двадцатипятилетний философ, мистик и поэт в

логических понятиях и отвлечённых схемах пытался выразить свой личный опыт. В поэме «Три свидания» он писал:

Ещё невольник суетному миру,
Под грубою короной вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье божества.⁷⁹

У Ф. М. Достоевского тоже был мистический опыт божественной основы мира (Матери – Земли – Богородицы), он словно ощущал и переживал секунду «мировой гармонии». Отношение Ф. М. Достоевского к В. С. Соловьёву походило на отношение старца Зосимы к Алёше Карамазову. Ф. М. Достоевский сравнивал прекрасное лицо юного магистра с лицом Христа на картине А. Караччи. В 1877 году В. С. Соловьёв прочёл в Обществе любителей российской словесности вдохновенную речь «Три силы». Идеи, высказанные философом, были созвучны идеям Ф. М. Достоевского; лектор жестоко обличает западную цивилизацию, закончившую своё развитие утверждением «безбожного человека», и верит, что Россия «оживит мёртвые в своей вражде элементами высшим примирительным началом»...⁸⁰. Великое историческое призвание России, - заключает он, - есть призвание религиозное⁸¹. Эти идеи известны нам по «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского. Мысль о «вселенскости» русского духа, лежащая в основе Пушкинской речи Ф. М. Достоевского, была сформулирована до него В. С. Соловьёвым.

В начале 1878 года молодой философ прочёл серию лекций «О Богочеловечестве» в Соляном Городке в Петербурге; эти чтения превратились в большое событие духовной жизни столицы. Достоевский был внимательным слушателем, и система философа В. С. Соловьёва отразилась на идейном построении романа «Братья Карамазовы». Писатель нашёл у философа ясную и острую формулировку своих заветных мыслей. Вот как определяет В. С. Соловьёв задачу «христианской философии»: «Старая традиционная форма религии исходит из веры в Бога, но не проводит этой веры до конца. Современная внерелигиозная цивилизация исходит из веры в человека, но и она не проводит своей веры до конца; последовательно проведённые и до конца осуществлённые эти веры – вера в бога и вера в человека – сходятся в единой, полной и всецелой истине Богочеловечества»⁸².

Мы считаем, что роман «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского вдохновлён этой истиной. Анна Григорьевна Достоевская полагала, что некоторые черты автора «Чтений о Богочеловечестве» перешли к герою романа Ивану Карамазову. Действительно, блестящий диалектик Иван Карамазов с его силой формальной логики и рациональной этики, с его размахом социальной утопии и религиозной философии напоминает философа В. С. Соловьёва.

Недаром в романе именно этот герой излагает «идею» о теократии, над которой работал магистр.

Другой замечательный человек, имевший влияние на Достоевского, был философ Н. Ф. Фёдоров, гениальный автор «Философии общего дела», которая сводится к парадоксальному положению: объединение сынов для воскресения отцов. Люди живут в разъединении, и их духовные силы парализованы враждой и борьбой. Нужно уничтожить распрю между государствами, народами, классами, нужно создать бесклассовое общество, единую семью, братство. И тогда объединённое человечество сможет выполнить своё великое призвание. Все живущие сыны направят свои силы на единственную задачу – воскрешение умерших отцов. «Для нынешнего века, - пишет Н. Ф. Фёдоров, - отец – самое ненавистное слово, а сын – самое унижительное». Когда человечество превратится в одну семью, оно завершит дело Христа на земле. «Религия и есть дело воскресения», - утверждает философ. Христос своим воскресением указал нам путь; человеческому братству всё будет возможно; оно, действительно, станет властвовать над землёй и управлять стихиями. Наука и техника преобразят мир. Тогда смертоносная сила природы сделается живоносной, рождение будет заменено воскрешением, любовь половая любовью сыновней. «В регуляции, в управлении силами природы, - пишет автор, - и заключается то великое дело, которое может и должно стать общим»⁸³. Если человечество объединится в любви, не будет катастрофического конца света и Страшного Суда. Наш земной мир без потрясений эволюционно превратится в царство Божие. «Проект» Н. Ф. Фёдорова поражает своим огненным героическим духом. Во всей мировой философии нет построения более загадочного и дерзновенного. Фёдоров говорит о религии как о реальной космической силе, преображающей мир, ставит христианину грандиозную практическую задачу – всеобщего воскресения, требует полного осуществления человеческого творчества, религиозного, социального, научного и технического и пламенно верит: Царство Божие явится завершением богочеловеческого процесса.

В странном проекте Н. Ф. Фёдорова Ф. М. Достоевский встретил смелое выражение многих своих смутных чаяний и робких надежд. Его идеи «единства», «семейственности» и «братства», его вера в религиозный смысл истории и в преображение мира любовью нашли в учении московского философа блестящее подтверждение. Его пленил практический, деловой характер «проекта»; запомнилась фраза о том, что «для нынешнего века слово отец – самое ненавистное». Преступление, ответственность за которое падает на Смердякова, Ивана и Дмитрия, становится символом отпадения человечества от всеединства. «Доказательством от противного» автор приводит нас к утверждению религиозного смысла жизни. Сыновству по крови противопоставляется сыновство по духу (Алёша – старец Зосима), убивающей ненависти

– воскрешающая любовь. Под влиянием Н. Ф. Фёдорова Ф. М. Достоевский развил тему отцеубийства как последний смысл мировой трагедии.

Работа над романом была прервана трагическим событием в семейной жизни писателя: 16 мая умер его любимчик – трёхлетний сын Алёша, унаследовавший от отца эпилепсию. «Ф. М.,- пишет его жена Анна Григорьевна, - был страшно поражён этой смертью... Чтобы несколько успокоить Ф. М. и отвлечь его от грустных дум, я упросила Вл. С. Соловьёва, посещавшего нас в эти дни нашей скорби, уговорить Ф. М. поехать с ним в Оптину Пустынь, куда Соловьёв собирался ехать этим летом»⁸⁴... Достоевский перевозит семью в Старую Руссу и 20 июня едет в Москву; сговорившись с редакцией «Русского вестника» о романе, он с В. Соловьёвым уезжает в Оптину Пустынь (Ил. 13).

В письмах из – за границы Достоевский часто говорил о желании побывать в русском монастыре. Он давно уже собирался изобразить монастырь. Оптиная Пустынь, в которую он поехал с В. С. Соловьёвым, находилась в Калужской губернии, около Козельска, и в 19 веке была прославлена своими старцами. К их мудрому руководству обращался Гоголь; с ними сотрудничал в деле издания аскетических сочинений известный славянофил Ив. Киреевский. Константин Леонтьев подолгу жил в обители. Бывал в ней и Лев Толстой. О старце Амвросии – подвижнике, чудотворце и исцелителе – в народе слагались легенды (Ил. 14).

В Оптиной Пустыни Достоевский пробыл двое суток. «С тогдашним знаменитым старцем о. Амвросием, - пишет Анна Григорьевна, - Ф. М. виделся три раза: раз в толпе и два раза наедине». Старец Зосима в романе трогательно утешает несчастную мать. Анна Григорьевна думает, что Достоевский вложил в его уста слова, сказанные ему лично старцем Амвросием: «И не утешайся, и не надо тебе утешаться, - говорит Зосима, - не утешайся и плачь... и надолго ещё тебе сего великого материнского плача будет, но обратится он под конец тебе в тихую радость и будут горькие слёзы твои лишь слезами тихого умиления и сердечного очищения, от грехов спасающего. А младенчика твоего помяну за упокой; как звали – то его?» - «Алексеем, батюшка»⁸⁵.

Из Оптиной Пустыни Достоевский вернулся утешенный и с вдохновением приступил к писанию романа.

3. 2. Отец Амвросий Оптинский и

образ старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

В литературе о Ф. М. Достоевском с давних времён ведётся спор, можно ли и в какой мере считать старца Амвросия прототипом старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Спор этот был начат ещё при жизни Достоевского К. Н. Леонтьевым (в статье «О всемирной любви») и в ещё более резкой форме продолжен им после смерти писателя в известном письме к В. В. Розанову, обычно цитируемом в комментариях к роману (эти слова К. Н. Леонтьева мы

приводили выше): «В Оптиной «Братьев Карамазовых» православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож. Достоевский описал только его наружность, но говорит, и не в том стиле, в каком Амвросий выражается».

Свидетельство К. Н. Леонтьева, много лет жившего в Оптиной и в конце жизни постриженного в монашество самим Амвросием, обычно принимается без оговорок как мнение представителя «официального православия». Но существует другое свидетельство, в корне подрывающее авторитетность утверждений Леонтьева, потому что принадлежит самим оптинцам – составителям «Собрания писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим» (1908 год). В предисловии к этому изданию⁸⁶ говорится, что письма напомнят знаменитый роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и покажут, что изображённый там старец Зосима не один только плод фантазии художника, а живое лицо, заимствованное из действительности.

О том же писал и сам Ф. М. Достоевский в одном из писем 1879 года: «Считаю, что против действительности (иночества) не погрешил; не только как идеал (Зосима) справедливо, но и как действительность справедливо»⁸⁷. Правда, Достоевский нигде не утверждал и не претендовал на то, что его «русский инок» – точный портрет великого Оптинского старца. Напротив, он говорил, что лицо и фигуру «взял... из древнерусских иноков и святителей», что в отрывке «О священном писании в жизни отца Зосимы» «прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского, а наивность изложения из книги Странствование инока Парфения»⁸⁸. Работая над романом, он широко пользовался имевшимися в его библиотеке оптинскими изданиями: «Историческим описанием Козельской Введенской Оптиной Пустыни» (М., 1876, 3-е издание), составленным учеником старцев Макария и Амвросия Леонидом (Кавелиным), «Житие и подвиги старца схимонаха Зосимы», «Жизнеописанием старца Леонида (в схиме Льва)» (М., 1876) и, вероятно, другими вышедшими к моменту начала работы над романом. По этим книгам, сочинениям И. В. Киреевского, вышедшим в 1861 году, по многим свидетельствам и рассказам современников Достоевский задолго до личной встречи со старцем Амвросием мог составить представление о подлинном духе «Оптинского христианства». И знаменательно, что, приступая к созданию собирательного образа «русской святости», в поисках её живого воплощения он отправился именно в Оптину пустынь, о которой «давно мечтал».

Таким образом, К. Н. Леонтьев, возможно, был по-своему прав, когда писал, что старец Зосима не похож на Амвросия, так как образ старца Зосимы собирательный. При его создании Достоевский использовал учения Нила Сорского и Тихона Задонского, Исаака Сирина, а главное – собственную мечту о земном рае, о «золотом веке» на земле. В этом смысле образ Зосимы действительно не вписался в современное Достоевскому традиционное

«иосифлянское» православное монашество. Поэтому оптинские старцы и могли не признать «своим» героя романа «Братья Карамазовы» старца Зосиму.

«Мне кажется, что для всех, прибегавших к отцу Амвросию, он представлялся в двойном виде: во-первых, великий старец, прославленный подвижник, с ореолом святости, с дивными дарами, чудотворивший ещё при жизни; и потом для всякого в отдельности – самый близкий, самый ласковый, самый трогательный человек, какого можно себе вообразить. И обе эти стороны в отце Амвросии дополняли и возвышали друг друга», - писал Е. Н. Поселянин (Погожев)⁸⁹.

Подобный взгляд на личность преподобного после знакомства со старцем Амвросием пытался отразить и Ф. М. Достоевский в образе старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы». Впечатление, полученное Достоевским от знакомства с отцом Амвросием, было так сильно и глубоко, что, преломившись в творческом сознании писателя, вызвало к жизни яркий, полный психологической правды художественный образ старца Зосимы, наделённый чертами живого человека. И всё же нельзя отождествлять литературный образ с реальным старцем: трудное дело человеку к а ю щ е м у с я, как определил сам старец Амвросий личность гениального писателя, в точности изобразить само существо святого подвижника. «Он так много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, - описывает своего литературного героя Достоевский, - что под конец приобрёл прозорливость столь сильную, что с первого взгляда на лицо незнакомого человека, приходившего к нему, мог угадать, с чем тот пришёл, что тому нужно и даже какого рода мучения терзают его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово»⁹⁰.

Прозорливость старца Зосимы, как объясняет автор, идёт от опыта, памяти, наблюдательности, а помощь же при недугах – от знания лечебных средств. В таком случае не принимается во внимание главное – помощь сверхъестественная, дары Святого Духа, действующие в человеке иногда и вопреки тому же опыту и наблюдательности.

Монахи Оптиной Пустыни, по словам К. Н. Леонтьева, прохладно отнеслись к образу старца Зосимы. Однако нельзя не согласиться, что этот литературный персонаж оказался настолько пленительным, что подводил читателей к познанию веры. Как сказал философ В. В. Розанов: «Вся Россия прочла его «Братьев Карамазовых», и изображению старца Зосимы поверила. «Русский инок» (термин Достоевского) появился как родной и как обаятельный образ в глазах всей России, даже неверующих её частей»⁹¹.

Достоевский во многих пробудил угасающую во второй половине 19 века тягу к монастырю вообще и к Оптиной Пустыни – в частности. Ведь вся внешняя обстановка жизни монастырской, запечатлённая в «Братьях Карамазовых», само описание обители, где жил

старец Зосима, - всё это взято из реалий Оптиной 1877 года, когда Достоевский посещал преподобного Амвросия Оптинского.

В данной работе нам важно рассмотреть образ Оптиной Пустыни в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Более всего нас интересует образ отца Зосимы, одним из прообразов которого является преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков) (Ил. 15).

Однако прежде всего мы хотели бы рассмотреть версию В. И. Кривопалова⁹², который утверждает, что одним из источников «Братьев Карамазовых» было «Жизнеописание старца Леонида». Мы согласны с автором статьи «Об одном источнике «Братьев Карамазовых» в том, что Ф. М. Достоевский коснулся спора о старчестве, который особенно сильно разгорелся примерно за век до того, как старцем стал Амвросий Оптинский. Доказательством того может считаться большое сходство молчальника Ферапонта в романе писателя и монаха В. – Н. – ярого противника старчества во времена преподобного Леонида. Главное обвинение в сторону старчества состояло в том, что все обитатели монастыря должны были на общем вечернем собрании исповедоваться старцу и слушать его поучения, советы. Тем самым, по мнению обвинителей, нарушалось таинство исповеди. Но Ф. М. Достоевский в своём романе проводит резкую и обличительную критику противников старчества. Когда преподобный Зосима умирает, монах Ферапонт подходит к его гробу. «Над ним заутра «Помощника и покровителя» станут петь – канон преславный, а надо мною, когда подохну, всего – то лишь «Кая житейская сладость» - стихирчик малый, - проговорил он слёзно и сожалительно. – Возгордились и вознеслись, пустое место сие! – завопил он вдруг, как безумный, и, махнув рукой, быстро повернулся и быстро сошёл по ступенькам с крылечка вниз»⁹³. В этих словах проявляется корысть, зависть и явное возвышенное мнение Ферапонта о собственной персоне. Этот человек был мало похож на молчальника, который посвятил свою жизнь Богу и просвещению, очищению души. А его рассказы о том, как Святой Дух ему в образе птиц являлся и говорил человеческим голосом, кажутся на фоне его слов о Зосиме неправдой. По словам автора романа, отцом Ферапонтом многие восхищались, потому что он только хлебом с водой питался, да и то в малых количествах. Здесь мы видим яркое указание на то, что послушание, служение Богу у Ферапонта во многом было внешним. Нельзя достичь духовной чистоты, только соблюдая посты. Для этого прежде всего нужна светлая, открытая, мудрая душа, которой несвойственны такие греховные черты, как зависть, гордыня, ненависть к ближнему своему.

Рассказ Ферапонта о том, что он со святым духом в образе птиц разговаривал, связывает его со своим реальным прототипом монахом В. – Н., к которому Бог якобы являлся в виде голубя. Приверженцы старых традиций в основном боялись того, что старчество может подорвать старую систему иерархий. В монастырях главой являлся настоятель, который

назначался по указанию патриарха за определённые заслуги или долгое служение церкви. Старцем же обычно становился самый мудрый и просвещённый монах в монастыре, который должен был направлять на путь истинный обращавшихся к нему, учить их вере и послушанию. Старец не имел особого церковного чина, но к его мнению прислушивались, в некоторой степени он был равен настоятелю монастыря. Несмотря на то, что старчество не противоречило традициям православной веры, оно могло насторожить многих важных лиц церкви, так старчество нарушало традиционную иерархию. Старчество таким образом действительно превращало обитателей монастыря в братьев, которые слушали брата старшего и учились у него истине. Этому способствовали и общие исповеди, помогавшие братьям справиться со своими грехами и неверными помыслами, побороть свой страх и смущение перед другими жителями монастыря. Если монах был искренен на исповеди, то он много мудрости мог вынести из неё, а если просто упрямылся и противился, то ещё больше вводил в грех свою душу.

Но основной линией нашего сравнения остаётся старец Зосима в романе «Братья Карамазовы» и преподобного Амвросия.

Сравним сначала внешне два этих лица. Из «Жития преподобного Амвросия Оптинского»⁹⁴ мы узнаём, что в юности, на последнем курсе семинарии, он тяжело заболел, что навсегда подорвало его здоровье. Затем, уже став монахом, он переболел опасной болезнью ещё раз и стал настолько слаб, что иногда посетителей принимал лёжа на кровати в своей келье. Тем самым в «Житии» мы находим указание на слабость и болезненность преподобного Амвросия Оптинского. В романе Ф. М. Достоевского изображены последние дни отца Зосимы: «Тот же сидел совсем уже бледный, но не от волнения, а от болезненного бессилия. Умоляющая улыбка светилась на губах его; он изредка подымал руку, как бы желая остановить беснующихся»⁹⁵. И это описание вполне отвечает описанию о. Амвросия. Ф. М. Достоевский описывает обессиленность и бледность Зосимы, его болезненную худобу. Автор отмечает, что он с большим усилием принимал этих утонувших в грехе людей: старшего Карамазова, его сыновей (Дмитрия, Ивана), Миусова. Ради них он преодолевает себя, потому что для старца все люди были важны. Он всех считал достойными и желал всем духовного исцеления. Старец уделял внимание и многим простым людям. Не было для него неважной, мелкой беды человека. В этом отец Зосима напоминает Амвросия Оптинского. «Одна крестьянка со слезами просила его научить её, чем кормить порученных ей господских индюшек, чтобы они не дохли, и старец, расспросив, как она их кормит, давал ей соответствующее наставление. Когда ему указывали, что он напрасно теряет с нею время, он отвечал: «Да ведь в этих индюшках вся жизнь её»»⁹⁶.

В разнородной, но объединённой грехами, сладострастием, грязными помыслами толпе старец Зосима видел не презренных и недостойных, а равных. Зосима говорит Алёше, что все

ушедшие в монастырь хуже и ниже мирских людей, потому что монахи за монастырскими стенами с помощью поста от греха прячутся, а мирские с ними каждый день борются⁹⁷. Значит, монахам легче Божью милость получить, и велик человек в миру, если он сам с грехом и искушением справился. Это характеризует отца Зосиму как милосердного, негордого, смиренного человека. Старец до самой своей смерти выступает героем – резонёром в произведении Ф. М. Достоевского.

Писатель в романе «Братья Карамазовы», как и в «Преступлении и наказании», поднимает тему спасения души человеческой, её очищения. По нашему мнению, автор «Братьев Карамазовых» считает, что любовь – главный способ спасения души. Сонечка Мармеладова воскрешает душу Раскольникова своей любовью. Именно она, а не каторга, снова делает Родиона человеком. Дмитрий Карамазов очистит душу с помощью любви к Грушеньке. Несмотря на то, что его чувство началось со сладострастия, оно потом переросло в настоящую, спасительную любовь.

Старец Зосима поклоняется Дмитрию, его будущим страданиям, его будущему очищению души. Он сподвиг Дмитрия на это очищение. Нет сомнения, что преподобный Зосима предчувствовал трудную судьбу Дмитрия и заранее прощал ему все грехи, уже совершённые, и те, которые ещё будут совершены.

Интересен следующий случай, описанный в «Житии Амвросия Оптинского»⁹⁸. «Однажды к нему приехал почтенный иерей из Москвы. Посмотрев на него, преп. Амвросий вдруг спрашивает: «Как это вы допустили так оплевать себя?» И вслед за этим повёл свою речь о происхождении дикого поверья в русском народе, о том, что в первые годы христианства на Руси язычники земли Киевской, при встрече со священнослужителями, плевали на ризы в знак своей ненависти к христианам, а теперь эту языческую ненависть к духовенству обратили в дикое поверье, будто встреча со священником является дурным предзнаменованием на текущий день...

- Представьте себе, - проговорил священник, - со мной ведь был точно такой же случай, и по этому делу у меня идёт теперь в столице судебный процесс; по поводу его я и явился к вам, отец...

Тут он рассказал, как однажды две взрослые интеллигентные девушки поругались над его саном, оплевав его рясу, и теперь эти девушки приговорены к тюремному заключению, и он не знает, как с ними поступить.

- Так и поступите, как говорит вам пастырская совесть, - отвечал преп. Амвросий.

- Мне хотелось бы их простить, да теперь изменить закон нельзя...

- Дух совести выше закона. Он подчиняет себе власть. Как же вы говорите, что изменить закон нельзя, когда он и плод человеческой совести? И если совесть против него, то он бессилён по существу своему...

И священник добился того, что постановление суда было отменено, и девушки были прощены им. Священника в этом случае удивлял только факт, что преп. Амвросий наперёд мог знать причину его паломничества в Оптину Пустынь»⁹⁹.

Преподобный Амвросий советует монаху простить девушек, потому что так говорит ему совесть. Отец Амвросий говорит: «Дух совести выше закона». Этой же идеи придерживается Достоевский в своём романе. Эта же концепция положена в основу «Преступления и наказания». По мнению Ф. М. Достоевского, каторга не может очистить душу человека, что настоящий преступник не боится тюрьмы. Самым страшным наказанием писатель считает мучения совести, но только через них можно дойти до очищения души, до светлоты духовной.

Ещё одной из точек соприкосновения Амвросия Оптинского и Зосимы можно считать их прозорливость. Амвросий Оптинский часто наперёд знал, зачем к нему пришёл человек. «Однажды он, выйдя из своей пустынножизни к группе паломников, поджидавших его появления, заметил в их толпе интеллигентное лицо молодой девушки. Глядя внимательно на паломницу, он спросил её: «Ты куда бросила своего ребёнка?»

Девушка, растерявшись от такого неожиданного вопроса, затряслась всем телом и, громко зарыдав, бросилась перед ним на колени.

- Ты возьми его к себе, - тихо и ласково продолжал преподобный, поднимая паломницу на ноги и успокаивая её, - ибо плод твой от тебя и тобою должен быть вскормлен. Он дан тебе в утешение, а не на страдание. Возьми его и вскорми»¹⁰⁰. В романе «Братья Карамазовы» также есть эпизод, в котором старец Зосима угадал, что издалека к нему пришла женщина, у которой умер ребёнок: «А вот далёкая! – указал он на одну ещё вовсе не старую женщину, но очень худую и испитую, не то что загоревшую, а как бы всю почерневшую лицом. Она стояла на коленях и неподвижным взглядом смотрела на старца. Во взгляде её было что – то как бы исступлённое»¹⁰¹. В обоих случаях преподобные отцы помогли женщинам. Амвросий Оптинский помог девушке вырастить сына, впоследствии её простил отец, а старец Зосима вырвал душу крестьянки из рук скорби, убедил её в том, что ей нужно радоваться жизни, а не впадать в отчаяние. Оба преподобных: и живший, и вымышленный – были многим людям опорой и поддержкой, они оба выполняли высокую миссию, с которой были посланы Богом на землю: они жалели людей, укрепляли в них мудрость и смирение.

Общей чертой в характере Амвросия Оптинского и отца Зосимы можно считать их весёлый дух, простоту и некоторое чувство юмора. В статье С. Четверикова¹⁰² нас заинтересовал следующий эпизод. «Скоро после того, как о. Амвросий был посвящён в дьяконы

и должен был однажды служить литургию во Введенском храме, подходит он к стоявшему в алтаре игумену Антонию, чтобы принять от него благословение. О. Антоний спрашивает его: «Ну что привыкаете?» О. Амвросий развязно отвечает: «Вашими молитвами, батюшка». Тогда о. Антоний продолжает: «К страху – то Божьему?..» О. Амвросий понял неуместность своего тона в алтаре и смутился. Из этой же статьи нам известно, что старец Лев шутя назвал Амвросия «химерою».

Старец же Зосима в романе Ф. М. Достоевского тоже иногда называется весёлым, иногда автор обращает внимание на его хитрую улыбку. Возможно, именно эти качества делали обоих преподобных отцов близкими к народу, более простыми для понимания обычным русским человеком и не отталкивали от старцев прихожан. В образе старца Зосимы Достоевский попытался соединить жизнерадостный народный дух и аскетическое византийское христианство.

Однако в жизнеописании и биографии Амвросия Оптинского и отца Зосимы мы находим различия. О жизненном пути Амвросия, до того как он стал монахом, мы писали выше. Но для преподобного Зосимы Достоевский пишет более интересную и исполненную роковых, важных событий биографию. Зосима становится монахом не после болезни, как Амвросий. Хотя этот факт из жизни преподобного Амвросия Оптинского можно считать предзнаменованием, знаком Божиим. По нашему мнению, Достоевский неслучайно представляет нам человека, который в решающий момент понимает, что он не лучше и не выше других на этой земле, что он не имел права обидеть своего слугу, что все люди – братья и не должен один человек служить другому, терпеть обиды. Будущий монах Зосима осознаёт, что не может убить своего соперника, кающийся, он понимает, что заблуждался, вёл неправедную жизнь, что всё хочет исправить. Зосима вспоминает слова своего умершего брата, который познал истину перед смертью: каждый человек живёт не для себя, а для других, нет безгрешных, каждый перед каждым виноват.

Нельзя не согласиться с тем, что Достоевский считал православную веру – кладезем мудрости и высоты духовной. Поэтому для писателя было очень важно изобразить молодость отца Зосимы грешной жизнью, пустой тратой времени. Молодой человек, который уже потерял различие между понятиями добра и зла постепенно осознаёт своё ничтожество, свою низость и встаёт на верный путь. Зосима очищает свою душу до той степени, что становится старцем, к которому прислушиваются люди. Духовный путь отца Зосимы свидетельствует, что основным мотивом творчества писателя можно считать мотив возрождения души, через которое проходят Зосима, Дмитрий в «Братьях Карамазовых», Раскольников в «Преступлении и наказании». Как и преподобного Зосиму, Раскольникова на верную дорогу выводит православная вера. Сонечка

Мармеладова, чистейшее в душе существо, заставляет Родиона признаться в преступлении, читает ему Евангелие, помогает потерявшей душу обрести веру.

3. 3. Стихотворение А. Н. Апухтина «Благословенная Оптиная»

Уж две недели я живу в монастыре
Среди молчания и тишины глубокой.
Наш монастырь построен на горе
И обнесён оградой высокой.
Из башни летом вид чудесный, говорят,
На дальние леса, озёра и селенья;
Меж кельями разбросанными сад,
Где множество цветов редкие растенья
(Цветами монастырь наш славится давно).
Весной в нём рай земной, но ныне
Глубоким снегом всё занесено,
Всё кажется мне белою пустыней,
И только куполы церквей
Сверкают золотом над ней.

.....

Покрыта парчовым блестящим одеяньем,
Стояла предо мной гигантская сосна;
Кругом глубокая такая тишина,
Что нарушать её боялся я дыханьем.
Деревья стройные, небеса светлы,
Вели, казалось, в глубь серебряного сада,
И хлопья снежные, пушисты, тяжелы,
Повисли на ветвях, как гроздья винограда.

Столь чуткое и проникновенное описание монастыря Оптинского принадлежит замечательному русскому поэту конца 19 века А. Н. Апухтину, который не раз в детстве посещал обитель, уже достигшую широкой известности (Ил. 16, 17).

Хочется сначала сказать о внешнем виде Оптиной Пустыни в стихотворении А. Н. Апухтина. Оптиная стоит на берегу реки Жиздры у опушки огромного векового бора. Белые монастырские здания и стены и голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на зелёном фоне сосен и елей. Глубокая тишина леса нарушается лишь

шорохом падающей ветки или звуком птичьих голосов. В стихотворении внешний вид Оптиной Пустыни описан в следующих строчках:

И только куполы церквей
Сверкают золотом над ней... (Ил. 18)

Во второй части стихотворения поэтично описаны деревья, окружающие монастырские постройки. А. Н. Апухтин описывает монастырь зимой. Автора поражают красота и спокойствие, царящие вокруг. Это не может не удивить путника не только зимой, но и летом («Из башни летом вид чудесный, говорят...»). И действительно общеизвестно, что летом вдоль скита тянулись обширные цветники, которые наполняли воздух благоуханием.

Но нас волнует не столько внешнее описание монастыря, а скорее описание той атмосферы, которая царит в нём:

Кругом глубокая такая тишина,
Что нарушать её боялся я дыханьем... (Ил. 18)

Человек, входящий на территорию Оптиной Пустыни, должен оставить свою гордость, мятежность за стенами обители и подчиниться сосредоточенной тишине, смирению, царящими там. Монастырь – место, где можно думать только о высшем смысле, о Боге, о вере. Здесь нет места мирской суетности. Неслучайно каждый приезжающий в Оптину Пустынь должен был переправляться туда через реку на пароме. Монахам предлагали построить постоянный мост для удобства богомольцев, но монахи упорно хранили старину, видимо опасаясь устройством моста уничтожить преграду, отделяющую монастырь от мира. Во время переправы на пароме у богомольцев было время перенастроить свою душу, подготовить её к духовному общению. Обособленность Оптиной Пустыни подчёркивается в стихотворении:

Уж две недели я живу в монастыре
Среди молчания и тишины глубокой.
Наш монастырь построен на горе
И обнесён оградой высокой.

Строки стихотворения проникнуты благоговением лирического героя перед данным святым местом, его некоторую боязнь и смирение.

Слово «тишина» употребляется в значении «спокойствие», «умиротворение». Слова «пустыня», «глубокая тишина», «молчание» создают ведущее настроение стихотворения: читатель погружается в безмолвие монастыря, где каждый больше думает, чем говорит, где преображается внутренний мир человека, послушного законам веры. Слова «сад», «рай», «пустыня», «гора» мы считаем символическими, многозначными, восходящими к евангельским текстам. Например, восхождение человека к вере и обретению духовной высоты подчёркнуто деталью, созвучной евангельской Голгофе: «Наш монастырь построен на горе...».

Преображению внутреннего мира человека и служило старчество. Если ранее большое внимание уделялось внешней стороне веры: соблюдению постов, порядку молитвы, скромности в поведении и пище, то с приходом старчества многое изменилось: всё большее значение стало уделяться духовной жизни монаха, его нравственному содержанию. Не физический, а духовный аскетизм встал на первый план. Атмосфера внутреннего аскетизма и одновременно духовного величия сквозит в строках стихотворения А. Н. Апухтина, поэтому мы считаем это стихотворение прекрасным описанием не только вида, но духовного значения Оптиной Пустыни.

3. 4. Поэма Н. А. Павлович «Оптина»

В своей работе мы хотели бы рассмотреть поэму Надежды Александровны Павлович (Приложение) «Оптина», написанной в 30 – е годы 20 века.

Поэма состоит из семи частей, что символично, если вспомнить о семи днях творения. В первой части – вступлении автор рисует общую величественную картину Оптиной, которая постоянно пребывает в сознании лирической героини:

Ты, Оптина!
Из сумрака лесного,
Из сумрака сознания моего,
Благословенная, ты выступаешь снова,
Вся белизна, и свет, и торжество. (Ил. 19)

Память лирической героини воскрешает неспешную, несуетную жизнь Пустыни – «земли, намоленной годами», - образы отцов Макария, Амвросия, Леонида, Антония:

И в лвиной мощи старец Леонид –
Кротчайший к слабым,
перед сильным строгий...

Макарий с книгой,
Благостный Антоний,
И с посохом тяжёлым Моисей, -
Стоите вы под храминой ветвей,
Написаны искусно на иконе –
Иконе леса, неба и лучей.

Нас в поэме особенно интересует общий вид Пустыни и образ старца Амвросия, которому посвящены следующие строки:

Вот по тропинке мелкими шагами

Идёт старик. Он немощен и хил,
Но блещет лик нездешними лучами. (Ил. 20)

В этих строках мы находим указание на бледный, слабый вид отца Амвросия, который обуславливался его тяжёлой болезнью. Наиболее важен для нашего исследования стих: «но блещет лик нездешними лучами». По нашему мнению, слово «нездешний» следует понимать как «небесный», «божественный», «высочайший». Лик отца Амвросия светится от святости, мудрости, от истины, которую он постиг, от духовного, внутреннего света, от чистоты его души. Данная строка выражает отношение Надежды Павлович не только к о. Амвросию, но и к старчеству как явлению вообще. И во многих других строках поэмы отражается благоговейное и уважительное отношение автора к старчеству.

Вторая часть поэмы посвящена образам паломников в Оптину Пустынь. В поэме не раз упоминается тот факт, что в Оптину Пустынь во все времена приходили толпы страждущих, которые нуждались в совете, наставлении старца:

1) Открыты храмы. Дальняя дорога
К той паперти высокой привела
Меня и мой народ – мой горький, мой убогий.
Едва дошли мы, - ноша тяжела.

2) Не одна я стою пред тобою:
Отовсюду с Русской земли
Шли с молитвою, шли с сумою
И к порогу хибарки пришли. (Ил. 21)

Слова «ноша тяжела», по нашему мнению, следует относить не столько к тяжести пути, который преодолели паломники, сколько к горю, скорби, безнадёжности, которые они приносят в своей душе, надеясь получить помощь в монастыре. И судя по страницам романа «Братьев Карамазовых», «Жизнеописания Амвросия Оптинского», поэмы «Оптина» людям действительно становилось легче после посещения старца.

В третьей части поэмы говорится о том, как в памяти лирической героини рисуется долгожданная встреча прихожан со старцем:

В смиреньи величавом он идёт,
Благословляя плачущий народ.

Так пишет Н. Павлович об о. Нектарии (в миру Николай Тихонов, 1858 – 1928) - последнем оптинском старце (Ил. 22, 23), который после закрытия Оптиной Пустыни был отправлен в Козельскую тюрьму:

Он – старый, слабый – бережно понёс

Всё наше бремя и грехов, и слёз
По этим стёртым оптинским ступеням.
Он нёс их в келью, дальше нёс в тюрьму...

Первые две строчки приведённой цитаты можно отнести и к преподобному Амвросию Оптинскому, который, несмотря на тяжёлую болезнь и слабость, вёл активную деятельность и принимал на себя «бремя, грехи, слёзы» приходивших к нему паломников.

В маленькой четвёртой части рисуются отношения юродивого Гаврюши и старца, обращающегося с мольбой к тому:

И старец привечал его, как брата.
«Гаврюша!
С каждым днём мне тяжелей!»
«А чёточки? Ты ими супостата
Покрепче бей!»

Следует отметить, что Н. Павлович, объявив в Козельском ЧК, что старец Нектарий её дедушка, добилась замены расстрела на ссылку. Она увезла его сначала на хутор к духовному сыну Василию Петровичу Осину, затем в село Холмищи Брянской области, в 60 км от Козельска. У Андрея Ефимовича Денежкина, родственника В. П. Осина старец Нектарий жил в холмищах до самой кончины. Этим объясняется название пятой главы «Холмищи». В этой главе лирическая героиня вступает во внутренний диалог с могилой своего духовного отца – старца Нектария, что находится по пути к монастырю:

Словно дерево, бурям открытое,
Ты растил меня в грозные дни.

У отца Нектария и, следовательно, у отца Амвросия Оптинского она просит помощи, сил, терпения, чтобы выстоять среди обид и клеветы. Героиня готова нести свой крест:

Дай мне силу и дай мне терпение
Всё увидеть, услышать – и жить!
Дай нести мне земное служение,
Чтоб небесные песни сложить! (Ил. 24)

Как мы видим, для лирической героини жизнь есть служение во имя Бога, и этому служению она училась в Оптиной Пустыни у старца Нектария. Несомненно, что с подобной мольбой могли обращаться ко всем оптинским старцам приходившие к ним люди, искавшие путь истинный. В словах лирической героини поэмы слышен голос русского народа, оторванного после событий 20–х годов 20 века от возможности иметь духовных путеводителей.

Шестая часть поэмы названа «Сказание об отце Никоне».

Без друзей тосковал он в изгнании

И остатками гаснущих сил
В умилении и покаянии
Имя Оптиной часто твердил -

данные строки посвящены иеромонаху отцу Никону (Николаю Беляеву, 1988 – 1931), который в 1927 году после заключения в Калужскую тюрьму был отправлен в Соловецкий концлагерь, но пробыл год в Кемьском пересыльном пункте, а затем отправлен на поселение сначала в Архангельск, затем в г. Пинегу Архангельской области. Автор рисует последние дни жизни и смерть о. Никона:

На полозьях везли домовину, -
Был усопший лёгок и прям.
Волос русый с седым мешался,
Но казалось лицо молодым,
И тихонько он улыбался
Именинам небесным своим.

Для верующего человека смерть не трагедия, а «небесные именины». И лицо умершего монаха кажется молодым, если понимать его духовное состояние радости обретения веры, служения Господу и грядущей встречи с ним. Тем более, что перед смертью он исповедался самому преподобному Макарию.

Эта часть неслучайно названа «сказанием»: в ней рассказывается о чудесном явлении старца Макария больному о. Никону. Преподобный Макарий является исповедовать Никона. Свидетелем этой сцены явилась схимонахиня Ирина (в миру Ирина Бобкова, 1885 – 1990) – духовная дочь о. Никона:

И при ней – то в смертном томлении
Приподнялся больной и сказал:
«Вот какое к нам посещение!
Дай же стул!» - и лицом просиял.

После исповеди старцу о. Никон отходит в мир иной спокойно, блаженно, счастливо. Бесконечно милосердный старец Макарий, являясь репрессированному монаху, не изменившему своему служению, облегчает его уход из жизни, утверждает его веру в Бога.

В последней главе «Эпилог» лирическая героиня скорбит о порушенной, но не потерявшей своего света обители. И свет Оптиной Пустыни помогает героине выстоять в годы официального атеистического лихолетья. В «Эпилоге» мы находим те же знаковые словообразы, что и в стихотворении А. Н. Апухтина: «рай», «тишина». Но окончание поэмы можно считать оптимистическим, пророческим: Героиня верит в бессмертную жизнь Оптиной Пустыни и верит в её грядущее возрождение:

Пусть тишиной непостыдною
Твой раскрывается рай.
Белая, молниеносная,
Явственно заблестай!

Все части поэмы Н. Павлович скреплены единым образом оптинских старцев, служивших народу и ставших для многих людей духовными отцами. Замечательным нам показалось следующее четверостишие в поэме:

Не блещет храм убранством драгоценным
И не видать прославленных мощей;
В нём даже мало теплится свечей –
Всё просто и спокойно и смиренно.

Оптина Пустынь и правда не могла похвастаться великой святыней, и церкви её всегда были скромными. Но что же тогда привлекало огромное количество паломников в Пустынь? Конечно, сами оптинские старцы с их мудростью, истинной верой в Бога, готовностью понять и помочь. Велико было значение Оптиной Пустыни для Русской земли: это был оплот веры, смирения, духовности. Люди искали здесь помощь в вопросах веры, любви, семьи, здоровья, искали успокоения, тишины, о котором писал А. Н. Апухтин в своём стихотворении «Благословенная Пустынь».

Поэма «Оптина» ценна для нас тем, что она не только знакомит нас с общим впечатлением автора от Оптиной Пустыни, но и с трагической судьбой монастыря в 20 веке. «Оптина» повествует о позорной странице нашей истории, когда государство заставляло народ отказываться от веры, разрушало храмы, отправляло в лагеря или убивало монахов, других служителей веры. Естественно, что от руки советских атеистов пострадала и Оптина Пустынь, потому что она была, несомненно, центром русской православной веры, святым местом для многих русских людей. Но именно поэтому она и не могла быть оставлена в разрушенном состоянии в конце 20 века, не могла быть забыта русским народом и не восстановлена.

3. 5. «Он проникает в душу...»

(Портрет Амвросия Оптинского работы отца Даниила (Болотова))

Мы рассмотрели образ Оптиной Пустыни и образ старца Амвросия в произведениях словесности. Теперь обратим внимание на портрет Амвросия Оптинского, написанный оптинским иеромонахом Даниилом (Болотовым) (Ил. 25).

На рисунке мы видим старца, чуть опирающегося на подушку за его спиной. По слабому, худощавому виду, седой бороде мы понимаем, что это последние годы или даже месяцы Амвросия Оптинского. Удивителен тот факт, что врачи говорили, что если бы это был обыкновенный человек, то можно было бы с уверенностью сказать, что жить ему осталось не

более получаса. А старец Амвросий прожил в таком состоянии тридцать лет. Данный факт подчёркивает святую и особую миссию Амвросия Оптинского на этой земле и убеждает в этом даже самых прагматичных людей.

На портрете мы видим только три основных, довольно сдержанных цвета: белый, чёрный и розовато – охристый (цвет лица старца), но, несмотря на это, трудно оторвать взгляд от этого образа. Мы видим удивительно доброе выражение лица старца. Материнская нежность, сочувствие старца ко всем людям, его тихая весёлость, участливая улыбка, от которой, по свидетельствам очевидцев, становилось как-то весело, тепло и хорошо, заботливый взор батюшки – всё это создаёт удивительный образ отца Амвросия. Глядя на эти глаза и улыбку, сразу понимаешь, почему огромное количество народа со всей русской земли приходило в Оптину Пустынь. Смотришь, на первый взгляд, неприметный портрет и словно ощущается, что вот сейчас о. Амвросий скажет что-то доброе, кажется, что в эту минуту он весь вами живёт и что ему вы ближе, чем самому себе.

Старец выглядит очень больным и слабым, его глаза сияют горящим светом добра. Наверное, именно этот контраст позволяет нам понять духовную силу старца, заключённую в худом, страдающем теле. Смотришь на этот портрет и вспоминаешь строчки Н. Павлович из поэмы «Оптина»:

Идёт старик. Он немощен и хил.

Но блещет лик нездешними лучами.

Лик батюшки, действительно, светится какой – то неземной добротой, любовью, пониманием, состраданием. Сразу же хочется поделиться с таким человеком своим горем и радостью, своими переживаниями, потому что осознаёшь, что он поймёт, простит, поможет, наставит.

На портрете, к своему удивлению, мы видим не величавого, серьёзного, нахмурившегося человека - перед нами добродушный старец с участливой улыбкой на лице. Это удивляет только не знающего, не понимающего самой натуры старца. Несмотря на мудрость, опытность и тяжёлую болезнь, которая всю жизнь не отпускала его, выражение лица его не сурово, а, наоборот, очень нежно – внимательно. Он, возможно, погружён не в свои мысли, а в мысли человека, с которым в данный момент разговаривает и которого видит перед собой. Отец Амвросий никогда не ставил себя выше других, не считал себя мудрее и лучше, в нём не было ни капли гордыни, поэтому взор на портрете так светл и чист. Для него не существовало неважного, смешного людского горя (вспомним историю о женщине с индюшками, взятую нами из жития и описанную нами в части, посвящённой роману «Братья Карамазовы»). Отец Амвросий понимал, что он нужен людям и помогал им как мог. Преподобный Амвросий был близок народу именно из – за своей доброты, простоты, открытости и даже некоторого остроумия. Утверждают, что он любил читать басни Крылова¹⁰³: старцу нравились их народный

язык, меткость и остроумие. И сам он иногда высказывал в шутливом тоне заключённые в рифмованную форму, но духовно глубокие мысли и наставления. Именно поэтому мы видим на портрете не сурового старца, а близкого нам, родного, простого человека с удивительной улыбкой.

Взирая на портрет Амвросия Оптинского, веришь во все его способности, умение предугадывать, предчувствовать, зачем пришёл к нему человек. Прозорливость читается в его мягком взгляде на портрете. Кажется, будто он проникает в душу, и уже от этого умного и нежного, вселюбящего и всепроникающего взгляда становится легче на душе.

Мы не даём подробнейшего описания самого портрета, манеры письма художника – иеромонаха Даниила, потому что для нас главным в этом произведении является духовная сила старца, которую художнику прекрасно удалось передать.

3. 6. Святые лики преподобного Амвросия Оптинского

Рассмотрим иконописное изображение Амвросия Оптинского, находящееся над ракой со святыми мощами (Ил. 26). Образ св. Амвросия написан на золотом фоне, традиционном для русской иконописи.

По нашему мнению, следует сравнить данную икону и портрет Амвросия Оптинского, написанный иеромонахом Даниилом. Различия между ними обусловлены традициями иконописи и светской живописи. Дело в том, что портрет был написан иеромонахом Даниилом, знавшим старца лично. Он не был скован иконописными традициями и передал как внешность, так и характер Амвросия Оптинского вполне достоверно, таким, каким его знал при жизни сам Даниил.

На иконе же мы видим изображение православного святого. Традиционными являются тонкий, неестественный нос, очень высокий лоб, широкая верхняя часть головы, узкий низ лица, длинная борода, седые волосы.

Как мы можем судить по портрету, написанному Даниилом, у Амвросия Оптинского был довольно широкий нос, обычной формы лицо, не настолько густая борода.

Но эти отличия не кажутся нам особенно важными, так как нас интересует духовный образ Амвросия, а не внешний. Душу человека можно передать в большей степени только через выражение его глаз, поэтому изображение глаз нас интересует более всего.

У старца Амвросия глаза довольно близко поставлены, они впалые, небольшие, тёмные, как на портрете, так и на иконе. Брови были внешними концами опущены вниз, что мы опять же видим на обоих изображениях. Но выражение глаз о. Амвросия на иконе и портрете разное. Даниил изобразил их более весёлыми, а на иконе мы видим скорбный, серьёзный взгляд. Но

тем не менее, на иконе сохранена мягкость, доброта, материнская нежность и сочувствие взгляда св. Амвросия.

Однако весь образ святого нам кажется более величавым, серьёзным, чем на портрете. На иконе мы видим образ скорбящего, грустного, погружённого в печальные глубокие думы о. Амвросия, который будто читает нам нравоучение. На портрете Даниила перед нами предстаёт совершенно другой старец: он скорее не печалится грехами людскими, а пытается всем помочь, не ругает, а вселяет надежду на духовное исцеление.

Отца Амвросия Оптинского нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как – то весело, тепло и хорошо, без заботливого взора, который говорил, что вот он сейчас для вас придумывает и скажет что-нибудь очень хорошее, без того оживления во всём – в движениях, в горящих глазах – с которым он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живёт и что вы ему ближе, чем сами себе. Таким его лик и запечатлён на иконе (Ил. 27).

Икона Л. А. Успенского (Ил. 28), изображающая преподобного Амвросия Оптинского – убедительное воплощение святого, словно идеала чистой, гармоничной личности, полной значительности и русской силы. Образ святого подвижника весьма лаконичен, его выразительность подчёркивает почти плоский охристый тон. Облик его исполнен благообразия и неземного величия, но конкретные портретные черты сближают его с земным миром. В иконе доминирует белый цвет – символ мудрости, нравственной чистоты и духовного величия.

Икона «Собор оптинских старцев» (Ил. 29, 30) создана в 20 веке. Мы не будем останавливаться на облике каждого из четырнадцати изображённых святых отцов в отдельности, для нас важно проникнуть в духовный мир иконы и понять её философский смысл.

Во – первых, следует отметить спокойный, приглушённый цвет всей иконы: одеяния старцев, земля, на которой они стоят, написаны бежевым, узорчатый горизонт – светло - бежевым, изображение самой Оптиной Пустыни - бело – зелёным. Все краски приглушены, даже нимбы над головами святых отцов написаны не золотой, как это принято, а тёплым тоном светло - жёлтой краски. Светлые, глубокие краски помогли иконописцу передать особую духовную атмосферу Оптиной Пустыни, о которой мы писали выше.

Когда смотришь на икону, словно погружаешься в удивительную тишину и умиротворение. Мудростью и святостью веет от образов старцев. Их лики с вниманием обращены к зрителю, они готовы прийти на помощь просящему о ней.

Хочется провести некоторую параллель между строками поэмы Н. Павлович «Оптина» и данной иконой. В поэме Н. Павлович мы читаем следующие строки, в которых она описывает иконы на вратах скита:

И другие отцы пустынные
Предстоят на святых вратах:
Лики узкие, бороды длинные,
Или крест, или свиток в руках.

Так поэтесса подчёркивает неумиравшую традицию старчества, теплившуюся в Оптиной Пустыни. Изображение ликом святых отцов на иконе «Собор оптинских старцев» соответствует иконописным изображениям «других пустынных отцов» православной церкви, запечатлённых на вратах скита в Оптиной и описанных в поэме: в руках у старцев на иконе «или крест, или свиток в руках». Икона объединяет четырнадцать старцев Оптиной Пустыни, представляющих собою «соль» человечества, его духовный оплот.

Изображение строений Оптиной Пустыни в центре иконы не случайно, потому что старцы являлись главным достоянием Оптиной. Именно их духовными наставлениями жила Россия. Поэтому на иконе образы старцев окружают изображение Оптиной Пустыни. Именно они прославили это место, сделали его духовным сердцем России.

Заключение

«А в Оптиной мне не бывать...» - в этой горькой строке Анны Ахматовой¹⁰⁴ слышится слитный дух всех, кто сознавал, каким редким, неоценимым духовным сокровищем была Оптина Пустынь, где в течение ста лет стремились к возрождению духовной цельности человека. И в этом вздохе ясно различимы голоса тех, без которых сегодня непредставима подлинная история русской культуры.

Возрождается не только Оптина Пустынь (Ил. 31, 32, 33, 34, 35), но и наше понимание учения Амвросия Оптинского, его «нравственной философии» - служение людскому страданию и горю высшей и благородной стихией человеческой души – любовью»¹⁰⁵. «Этот человек сделал больше добра, чем тысячи и тысячи здоровых людей, воображающих, что они в разных учреждениях служат миру»¹⁰⁶. По словам современников, «старец Амвросий Оптинский «духовными хлебами, чистым словесным евангельским молоком пытался напитать и напоить истомлённую Россию!»¹⁰⁷.

Недаром Оптину Пустынь называли Золотой чашей, в которую возлили лучшее духовное вино России. Высокая жизнь духа, пламенное горение души, преисполнив благодатный сосуд Оптинский, щедро преизливались на весь окружающий мир! (Ил. 36)

Автор данной работы считает, что старец Амвросий Оптинский «тихими и кроткими словесами» зовёт к «поновлению» через покаяние души, внутреннее умиротворение, познание

и просветление. «Я зажёл фитиль, - говорил старец Амвросий Оптинский, - теперь ваше дело – поддерживать огонь»¹⁰⁸.

Оптина Пустынь духовно питала великих русских писателей, которые черпали здесь нравственную силу – источник их труда и вдохновения. Как солдату нужно оружие, так писателю и философу - нравственная мощь, именно за этим они сюда и приезжали. В ските находилась храм Иоанна Предтечи. Приезжавшие деятели культуры, получая здесь нравственный заряд, становились словно предтечами новой жизни, а сама Оптиная Пустынь – прообразом целостной культуры, соединяющей воедино религию, искусство, философию.

Отрадно сознавать, что монастырь Оптиная Пустынь, с которым неразрывно связано имя преподобного Амвросия, сейчас восстанавливается и действует. Однако вопрос о так называемых памятниках истории и культуры куда глубже вопросов только реставрационных; по нашему мнению, это вопрос, обращённый к сердцевине общественного сознания. И звучит он, скорее всего, так: кто мы? Взрастили, наконец, мы в себе духовную широту, терпимость, сознание непреходящей ценности многообразных проявлений отечественной культуры? И осознаём ли мы, что, вернув памятнику органичную для него жизнь, мы ещё крепче, ещё долговечней укореняемся в исторической и национальной почве?

Примечания

1. Орехов Д. Святые места России. – Спб.: ИД «Невский проспект», 1999. – С. 133.
2. Кривопапов В. Н. Оптиная Пустынь // Прометей. – Т. 16 - М.: Мол. гвардия, 1986. – С.129.
3. Овчаренко О. Свет невечерний // Работница. – 1991. - № 10. – С. 16.
4. Там же.
5. Концевич И. М. Оптиная Пустынь и её время. – Сергиев Посад: Свято – Троицкая Сергиева лавра, 1995. – С. 49
6. Фёдоров М. Гоголь и Оптиная Пустынь // Журнал Московской Патриархии. – 1988. - № 11. – С. 69.
7. Оптиная Пустынь. Русская православная духовность. / Сост. А. Горелова. – М.: Канон +, 1997. - С. 130.
8. Солоухин В. Время собирать камни // Москва. – 1980. - № 2. – С. 212).
9. Тажурзина З., Никонов К. Что такое старчество? Происхождение и социальная сущность старчества. // Наука и религия. – 1984. - № 4. – С. 40.
10. Червякова А. Амвросий Оптинский // Московский журнал. – 1991. - № 11. – С. 45.
11. Павлович Н. В. Оптиная Пустынь. Почему туда ездили великие? // Прометей. – Т.12. - М.: Мол. гвардия, 1980. — С. 86.
12. Житие преподобного нашего отца Амвросия // Оптинские старцы. – Лондон, 1990. – С. 36 – 40.
13. Письма Оптинского старца Амвросия. – М., 1908.
14. Ильичёва Н. Старец Амвросий // Журнал Московской Патриархии. – 1988. - № 11. – С. 62 – 67.
15. Просвирник А. Иеросхимонах Амвросий (Гренков) // Журнал Московской Патриархии. - 1971. - № 11. – С. 61 – 67.
16. Андроник (Трубачёв). Основные черты пастырства в Оптиной Пустыни // Журнал Московской Патриархии. – 1988. - № 6. – С. 64 – 72.
17. Павлович Н. А. Указ соч. – С. 86 – 91.
18. Там же.
19. Трифон (Туркестанов). Древнехристианские и оптинские старцы. – М.: Мартос, 1997. – С. 40.
20. Антониев С. Оптинская благодать // Лепта. – 1991. - № 2. – С. 174.
21. Оптиная Пустынь, 1997. – С. 11.
22. Преподобные старцы Оптиной пустыни. – М., 1995. - С. 5
23. Агапит (Беловидов). Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). –, 1991. – С. 37.

24. Антониев С. Указ соч. - С. 174.
25. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной традиции в двенадцати письмах. - М., 1914.- С. 174.
26. Котельников В. А. Оптина Пустынь и русская литература. Статья вторая // Русская литература.- 1989. - № 3. – С. 72.
27. Оптина Пустынь, 1997. – С. 401.
28. Котельников В. А. Указ. соч. - С. 60.
29. Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Письма к монашествующим. - М.. 1862. - С. 217, С 44.
30. Г. П. Федотов. Святые Древней Руси. - Париж, 1985. - С. 235 – 236.
31. Котельников В. А. Указ. соч. - С. 67 – 68).
32. Оптина Пустынь, 1997. – С. 401.
33. Богданович Д. П. Оптинская Пустынь и паломничество в неё русских писателей // Исторический вестник. – 1910. - № 10. – С. 327.
34. Венедикт (Пеньков). Старчество, его происхождение и важность в деле спасения. - Библиотека Оптиной Пустыни, 1995 (Машинопись). – С.22.
35. Агапит (Беловидов). Указ. соч. – С. 115.
36. Там же. – С. 91.
37. Андроник (Трубачёв). Указ. соч. – С. 70.
38. Агапит (Беловидов). Указ. соч. – С. 122.
39. Экземплярский В. И. Старчество // Дар ученичества. – М.: Руссико, 1993. – С. 21.
40. Горбачёва Н. Б. Оптинские старцы. – М.: Олимп; ООО «Фирма «издательство АСТ», 1999. – С. 6 -7.
41. Оптина Пустынь, 1997. – С. 399.
42. Котельников В. А. Указ. соч. – С. 71.
43. В. Розанов. Около церковных стен. - СПб., 1906. - Т.2. - С 106,
44. Там же. - С. 106 – 107.
45. Там же. - С. 126.
46. Котельников В. А. Указ. соч.– С. 71-72.
47. Оптина Пустынь, 1997. - С. 405.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же.
51. Кривопапов В. Н. Указ. соч. - С. 132.
52. Там же.- С. 133.

53. Там же.
54. Там же.
55. Четвериков С. Оптиная Пустынь: исторический очерк и личные воспоминания. – Париж., б.г.с. – С. 126 – 128.
56. Кривопапов В. Н. Указ. соч. – С. 130.
57. Там же.
58. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – М., Худож. лит., 1973. – С. 351.
59. Четвериков С. Указ. соч. – С. 125.
60. Там же.
61. Агапит (Беловидов). Указ. соч. – С. 95 – 96.
62. Трифон (Туркестанов). Указ. соч. – С. 236 – 238.
63. Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М.: Наука, 1976. – С. 41.
64. Собор преподобных старцев, в Оптиной Пустыни просиявших. – Оптиная, 2006. – С. 41.
65. Там же.
66. Советы и пророчества оптинских старцев. – М. Фавор, 2007. – С. 41 - 42.
67. Там же. – С. 66 – 67.
68. Письма. – Указ. соч. – С. 38.
69. Там же. – С. 47.
70. Там же. – С. 49.
71. Там же. – С. 55.
72. Там же. – С. 57.
73. Поселянин Е. Оптинский старец Амвросий // Нива. – 1892. - № 8. – С. 170.
74. Павлович Н. Указ.соч. – С. 89.
75. Нежный А. Сияла Оптиная Пустынь. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 7.
76. Письма. – Указ. соч. – С. 59.
77. Нежный А. Указ соч. – С. 10.
78. Богданович Д. П. Указ. соч. – С. 55.
79. Мочульский К. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. – М.: Республика, 1995. - С. 505.
80. Там же.
81. Там же.
82. Там же. – С. 506.
83. Там же.
84. Там же. – С. 508.

85. Там же.
86. Письма. Указ. соч. – С. 8.
87. Борисов В. Оптиная Пустынь // Наше наследие. – 1988. - № 4. – С. 65.
88. Там же.
89. Горбачёва Н. Б. Указ. соч. – С. 93.
90. Там же. – С. 93.
91. Там же. – С. 93 - 94.
92. Кривопапов В. Н. Об одном источнике «Братьев Карамазовых» // Русская литература. - 1985. - №2. – С. 176.
93. Достоевский Ф. М. Указ. соч. - С. 357.
94. Житие преподобного нашего отца Амвросия// Оптиные старцы. – Лондон, 1990. – С. 38.
95. Достоевский Ф. М. Указ. соч. - С. 101.
96. Четвериков С. Указ. соч. – С. 84.
97. Достоевский. Указ. соч. - С. 345.
98. Оптиные старцы. Указ. соч. . – С. 39.
99. Там же.
100. Там же. - С. 38
101. Достоевский Ф. М. Указ соч. - С. 76.
102. ЧетвериковС. Указ соч. – С. 86.
103. Оптиные старцы. Указ. соч – С. 38.
104. Борисов В. Указ. соч. – С. 67.
105. Богданович Д. Указ. соч. – С. 22.
106. Борисов В. Указ соч. - С. 66.
107. Богданович Д. Указ. соч. – С. 28.
108. Борисов В. Указ. соч. – С. 67.

Список использованной литературы

1. Антониев С. Оптинская благодать // Лепта. - 1991. - №2. - С.174 – 179.
2. Белов С. Зосима и Амвросий // Наука и жизнь. -1974. - № 4. – С. 76 – 78.
3. Богданович Д. П. Оптина Пустынь и паломничество в неё русских писателей // Исторический вестник. -1910. - № 10.
4. Борисов В. Оптина Пустынь // Наше наследие. – 1988. - № 4. – С. 54 – 67.
5. Булгаков А. Возрождение обители // Турист -1990. - № 10. – С. 34- 35.
6. Горбачёва Н. Б. Оптинские старцы. – М.: Олимп; ООО «Фирма «издательство АСТ», 1999. - 208 с.
7. Дмитриев А. Колымагин П. Оптина Пустынь // Москва. -1990. - № 9. – С. 161 – 162.
8. Зебницкая Т. Оптина Пустынь: восхождение к человеку // Культурно – просветительская работа.- 1990. - №1. – С. 30 – 32.
9. Котельников В. А. Оптина Пустынь и русская литература // Русская литература,- 1989. - № 1, № 3, № 4.
10. Кривопапов В. Н. Об одном источнике «Братьев Карамазовых» // Русская литература. – 1985. - №2. – С. 177 – 179.
11. Кривопапов В. Н. Оптина Пустынь: её герои и тысячелетние традиции // Прометей. – Т. 16. – М.: Мол. гвардия, 1990. – С. 137 – 148.
12. Нежный А. Сияла Оптина Пустынь. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 3-13.
13. Овчаренко О. Свет невечерний // Работница. - 1991. - № 10. – С.16 – 17.
14. Оптина Пустынь. – Тула: ИПО «Л. Т.», 1997.
15. Оптина Пустынь. Русская православная духовность /Сост. и послесл. А. Горелова. – М.: Канон +, 1997. – 416 с.: ил.
16. Оптинским старцы. – Лондон, 1990.
17. Орехов Д. К Амвросию, в Оптину // Святые места России. – СПб.: Невский проспект, 1999. – С. 133 – 150.
18. Павлович Н. А. Оптина пустынь. Почему туда ездили великие? // Прометей. – Т. 12. – М.: Мол. Гвардия, 1980. – С. 85 – 91.
19. Павлович Н. Оптина // Москва. - 1991. - № 7.- С. 90 – 93.
20. Поселянин Е. Оптинский старец Амвросий // Нива. – 1982. - № 8.
21. Поселянин Е. Оптинский старец Амвросий // Москва.- 1990. - № 9. – С. 162 – 176.
22. Преподобные Старцы Оптинские. Жития и наставления. – Тула: Свято – Введенская Оптина Пустынь, 2007. – 508 с.
23. Розанов В. Оптина Пустынь // Лит. Обозрение. -1991.- №8. – С. 68 – 74.

24. Тажурзина З., Никонов П. Что такое старчество? К чему ведёт глубина смирения // Наука и религия. – 1981. - № 5. – С. 24 – 27.
25. Тажурзина З., Никонов П. Что такое старчество? Отношение к русской культуре // Наука и религия. – 1981. - № 6. – С. 34 – 37.
26. Тажурзина З., Никонов П. Что такое старчество? Происхождение и социальная сущность старчества // Наука и религия. – 1981. - № 4. – С. 38 – 41.
27. Червяков А. Публикация об Амвросии Оптинском // Московский журнал. - 1991. - № 11. – С. 44- 46.
28. Четвериков С. Оптиная Пустынь – Париж. Умса Пресс, 1988. – 251 с.

Список иллюстраций

1. Вид Оптиной Пустыни. Фотография. 19 век.
2. Старец Паисий Величковский. Рисунок.
3. Иеросхимонах Лев (Наголкин). Рисунок. 19 век.
4. Преподобный Лев Оптинский. Икона. 20 век.
5. Преподобный Макарий (М. Н. Иванов). Фотография. 19 век.
6. Преподобный Макарий Оптинский. Икона. 20 век.
7. Преподобный Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.
8. Шюблер. Преподобный Амвросий Оптинский. Гравюра. 19 век.
9. Благословение старцев Льва и Макария их ученику Амвросию. Фрагмент фрески. 20 век.
10. Старец Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.
11. Оптина Пустынь и русская культура. Ф. Достоевский. С. А. Нилус. Н. В. Гоголь. К. К. Романов. Н. Киреевский. Рисунок. 20 век.
12. В. С. Соловьёв. Рисунок. 20 век.
13. Иоанно – Предтеченский скит. Гравюра. Фотографии. 19 век. Начало 20 века.
14. Амвросиевский колодец. Фотография. 20 век.
15. Рыбченков Б. Зосима. Иллюстрация к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». 20 век.
- Преподобный Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.
16. Вид Оптиной Пустыни. Паром. Фотография. Начало 20 века.
17. Вид Оптиной Пустыни. Оптинский паром. Фотография. 19 век.
18. Общий вид Оптиной Пустыни. Фотография. 20 век.
19. Храм Иоанна Предтечи. Фотография. Начало 20 века.
20. Старец Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.
21. Келья преподобного Амвросия Оптинского. Современный вид. Фотография. 20 век.
22. Преподобный Нектарий (Н. В. Тихонов). Фотография. Начало 20 века.
23. Преподобный Нектарий Оптинский. Икона. 20 век.
24. Часовня на могиле преподобного Амвросия Оптинского. Фотография. Начало 20 века.
25. Даниил (Болотов). Портрет Амвросия Оптинского. Масло. 19 век.
26. Икона Преподобного Амвросия с клеймами. Находится над ракой со святыми мощами. 20 век.
27. Преподобный Амвросий Оптинский. Икона. 20 век.
28. Успенский Л. Преподобный Амвросий Оптинский. Икона. 20 век.
29. Собор Оптинских Старцев. Икона. 20 век.

- 30. Собор Оптинских старцев. Икона. 20 век.
- 31. Оптиная Пустынь. Фотография. Начало 21 века.
- 32. Оптиная Пустынь. Фотография. Начало 21 века.
- 33. Оптиная Пустынь. Фотография. Начало 21 века.
- 34. Оптиная Пустынь. Храм в честь Казанской иконы Божьей Матери. 1805 – 1811 г.
Фотография. Начало 21 века.
- 35. Оптиная Пустынь. Фотография. Начало 21 века.
- 36. Вид Оптиной Пустыни. Фотография. Начало 21 века.

Иллюстрации

Ил. 1. Вид Оптиной Пустыни. Фотография. 19 век.

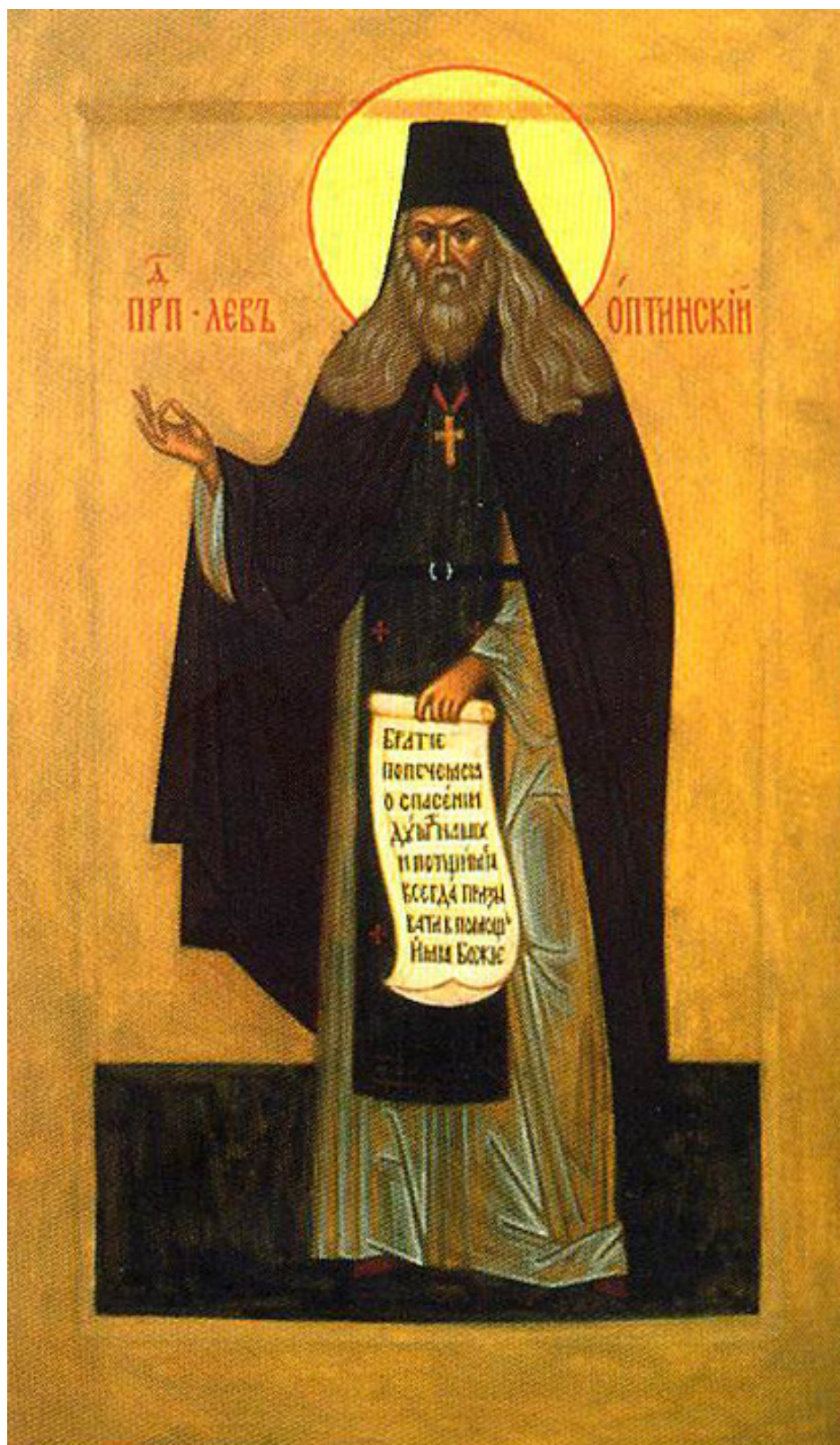
*Старец Паисий
Величковский*

Ил. 2. Старец Паисий Величковский. Рисунок.

Ил. 3. Иеросхимонах Лев (Наголкин). Рисунок. 19 век.

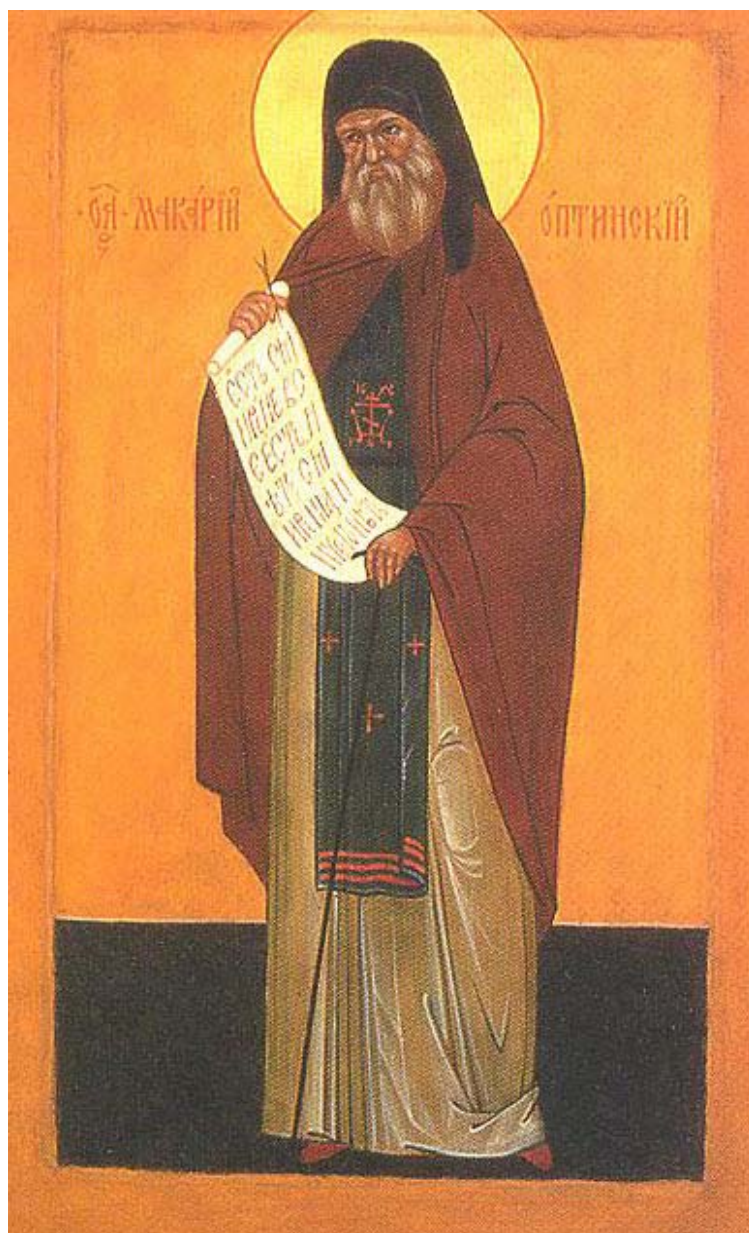

Ил. 4. Преподобный Лев Оптинский. Икона. 20 век.

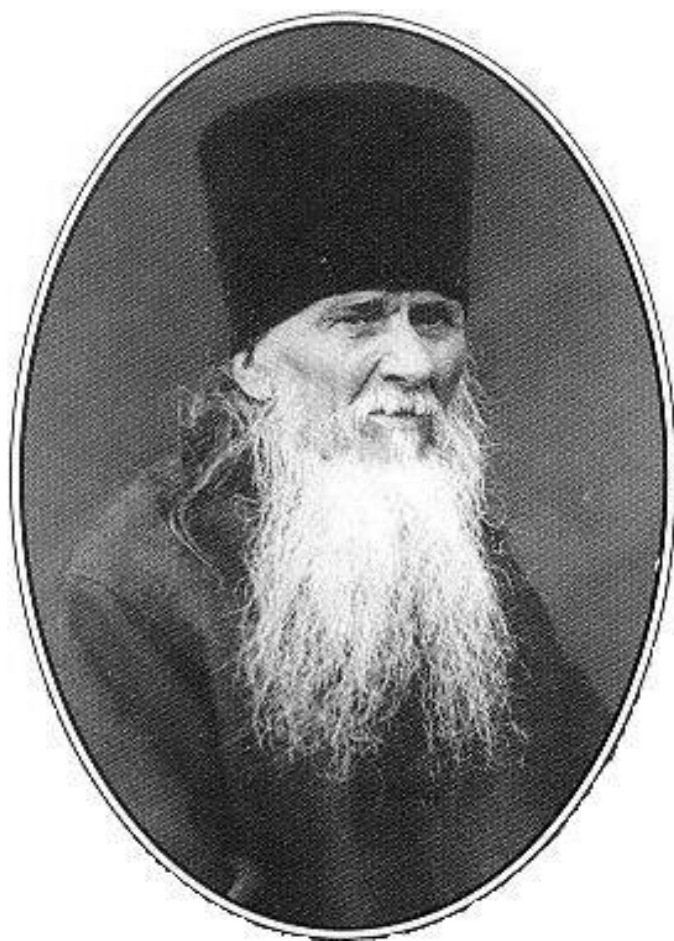

Ил. 5. Преподобный Макарий (М. Н. Иванов). Фотография. 19 век.

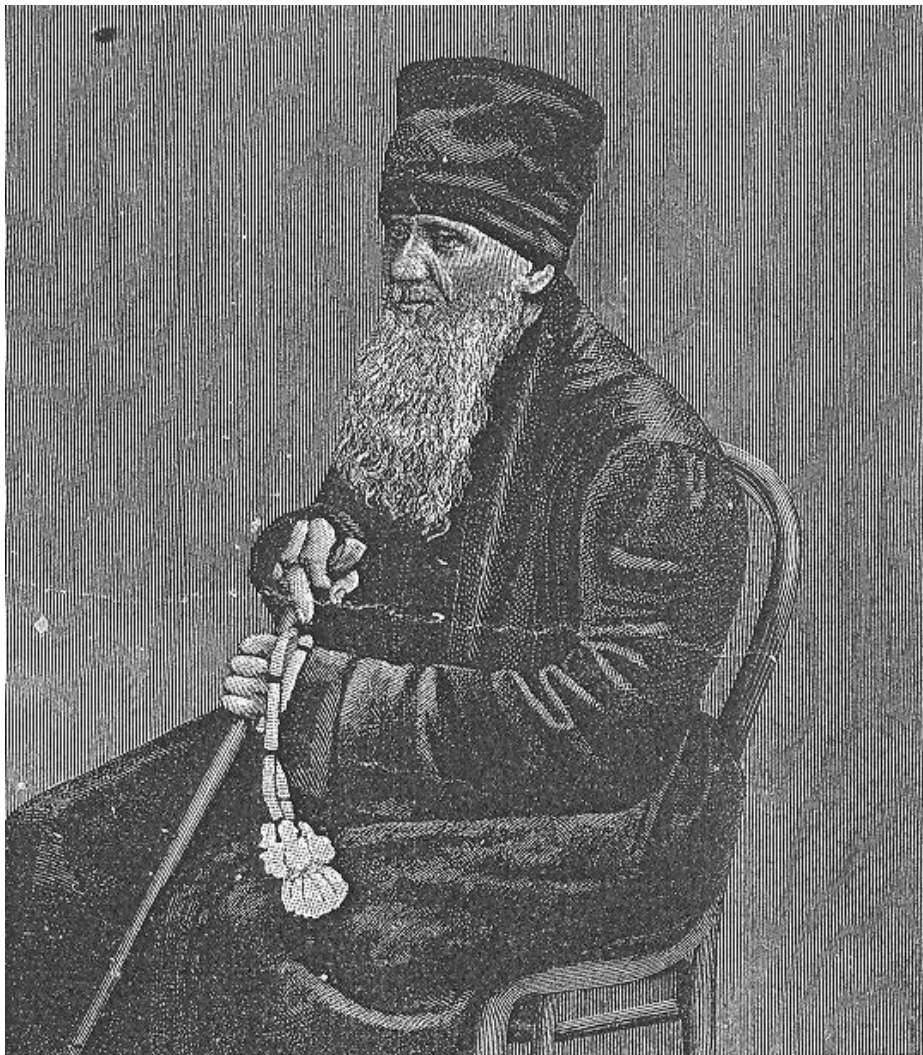

Ил. 6. Преподобный Макарий Оптинский. Икона. 20 век.

Ил. 7. Преподобный Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.

Ил. 8. Шюблер. Преподобный Амвросий Оптинский. Гравюра. 19 век.

**Ил. 9. Благословение старцев Льва и Макария их ученику Амвросию.
Фрагмент фрески. 20 век.**

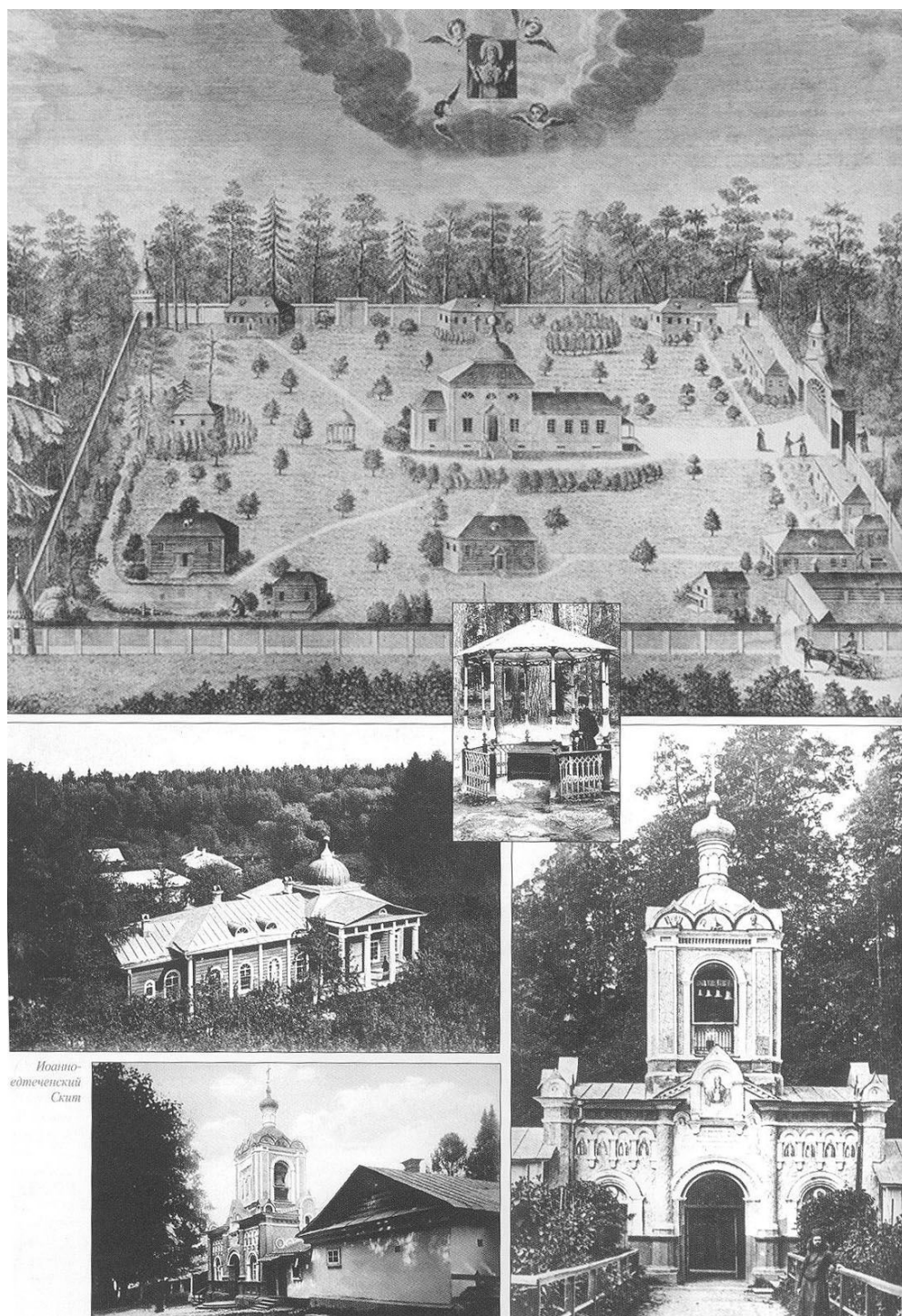
Ил. 10. Старец Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.

**Ил. 11. Оптиная Пустынь и русская культура. Ф. Достоевский. С. А. Нилус. Н. В. Гоголь.
К. К. Романов. Н. Киреевский. Рисунок. 20 век.**

Ил. 12. В. С. Соловьёв. Рисунок. 20 век.

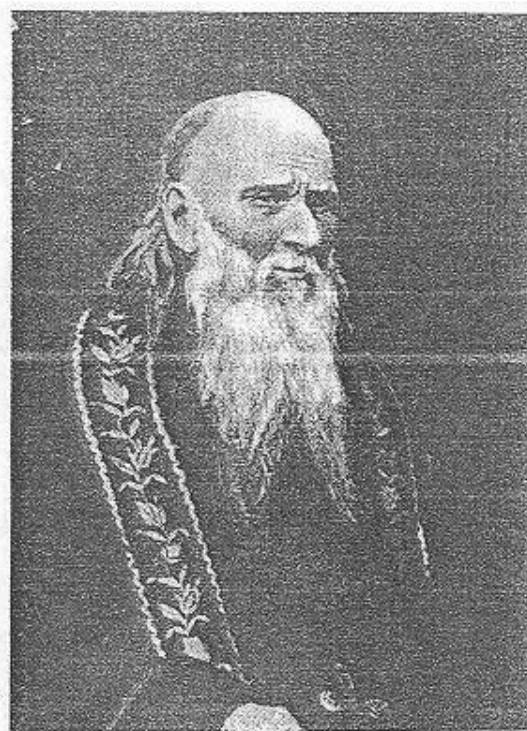

Ил. 13. Иоанно – Предтеченский скит. Гравюра. Фотографии. 19 век. Начало 20 века.

Ил. 14. Амвросиевский колодец. Фотография. 20 век.

**Ил. 15. Рыбченков Б. Зосима. Иллюстрация к роману
Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». 20 век.
Преподобный Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.**

Ил. 16. Вид Оптиной Пустыни. Паром. Фотография. Начало 20 века.

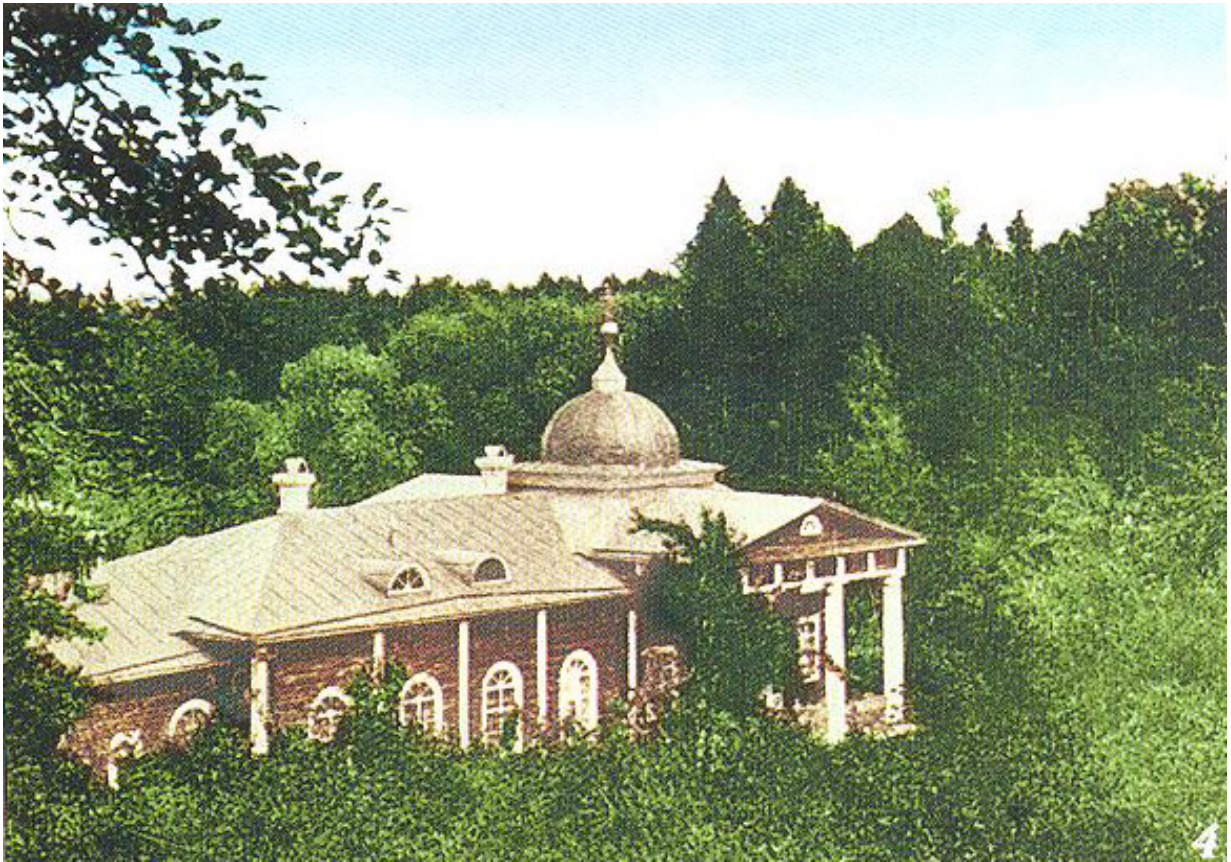

Ил. 17. Вид Оптиной Пустыни. Оптинский паром. Фотография. 19 век.

18. Общий вид Оптиной Пустыни. Фотография. 20 век.

19. Храм Иоанна Предтечи. Фотография. Начало 20 века.

20. Старец Амвросий Оптинский. Фотография. 19 век.

**Ил. 21. Келья преподобного Амвросия Оптинского.
Современный вид. Фотография. 20 век.**

Ил. 22. Преподобный Нектарий (Н. В. Тихонов). Фотография. Начало 20 века.

Ил. 23. Преподобный Нектарий Оптинский. Икона. 20 век.

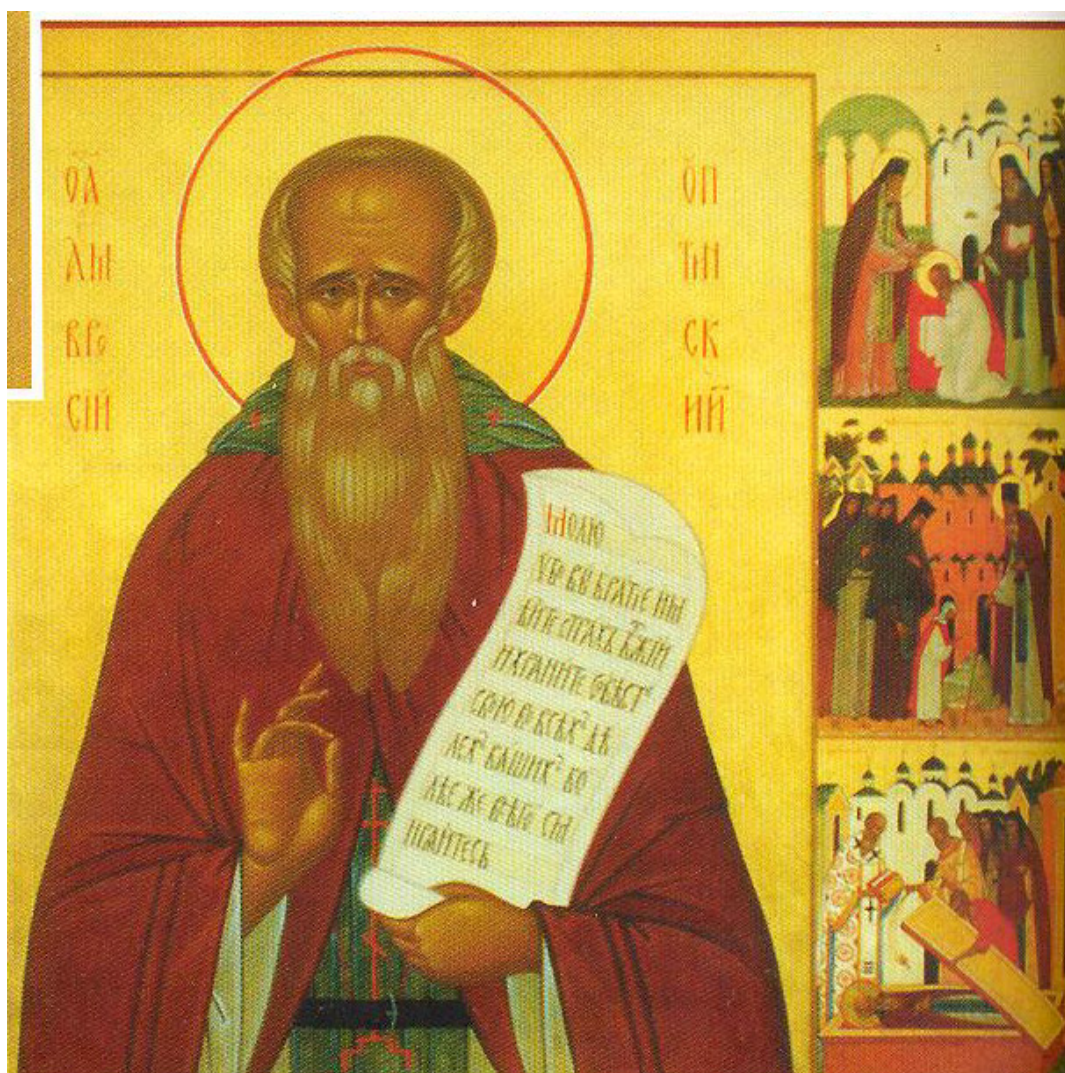

**Ил. 24. Часовня на могиле преподобного Амвросия Оптинского.
Фотография. Начало 20 века.**

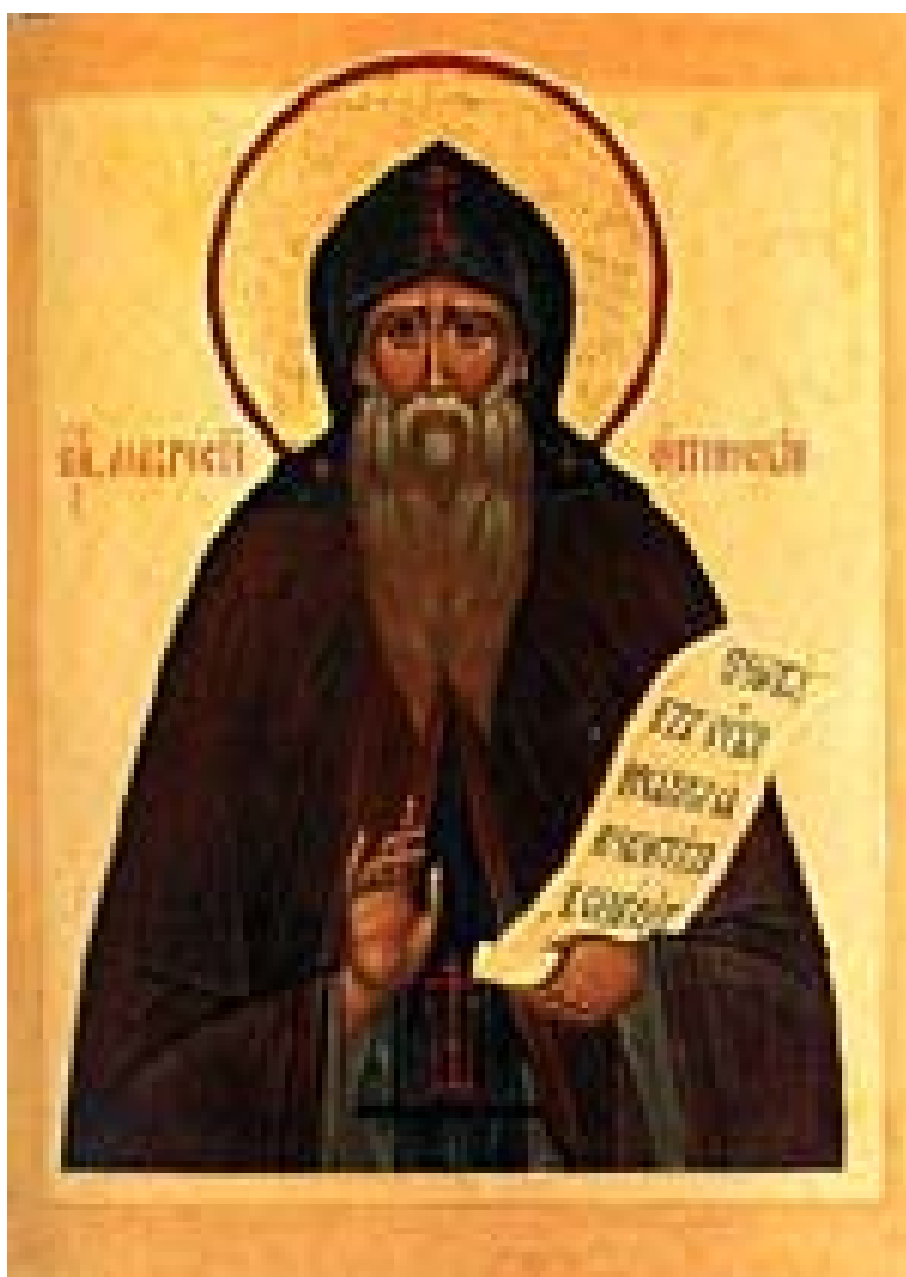

Ил. 25. Даниил (Болотов). Портрет Амвросия Оптинского. Масло. 19 век.

**Ил. 26. Икона Преподобного Амвросия с клеймами.
Находится над ракой со святыми мощами. 20 век.**

Ил. 27. Преподобный Амвросий Оптинский. Икона. 20 век.

Ил. 28. Успенский Л. Преподобный Амвросий Оптинский. Икона. 20 век.

Ил.. 29. Собор Оптиных Старцев. Икона. 20 век.

Ил. 30. Собор Оптиных старцев. Икона. 20 век.

Ил. 31. Оптиная Пустынь. Фотография. Начало 21 века.

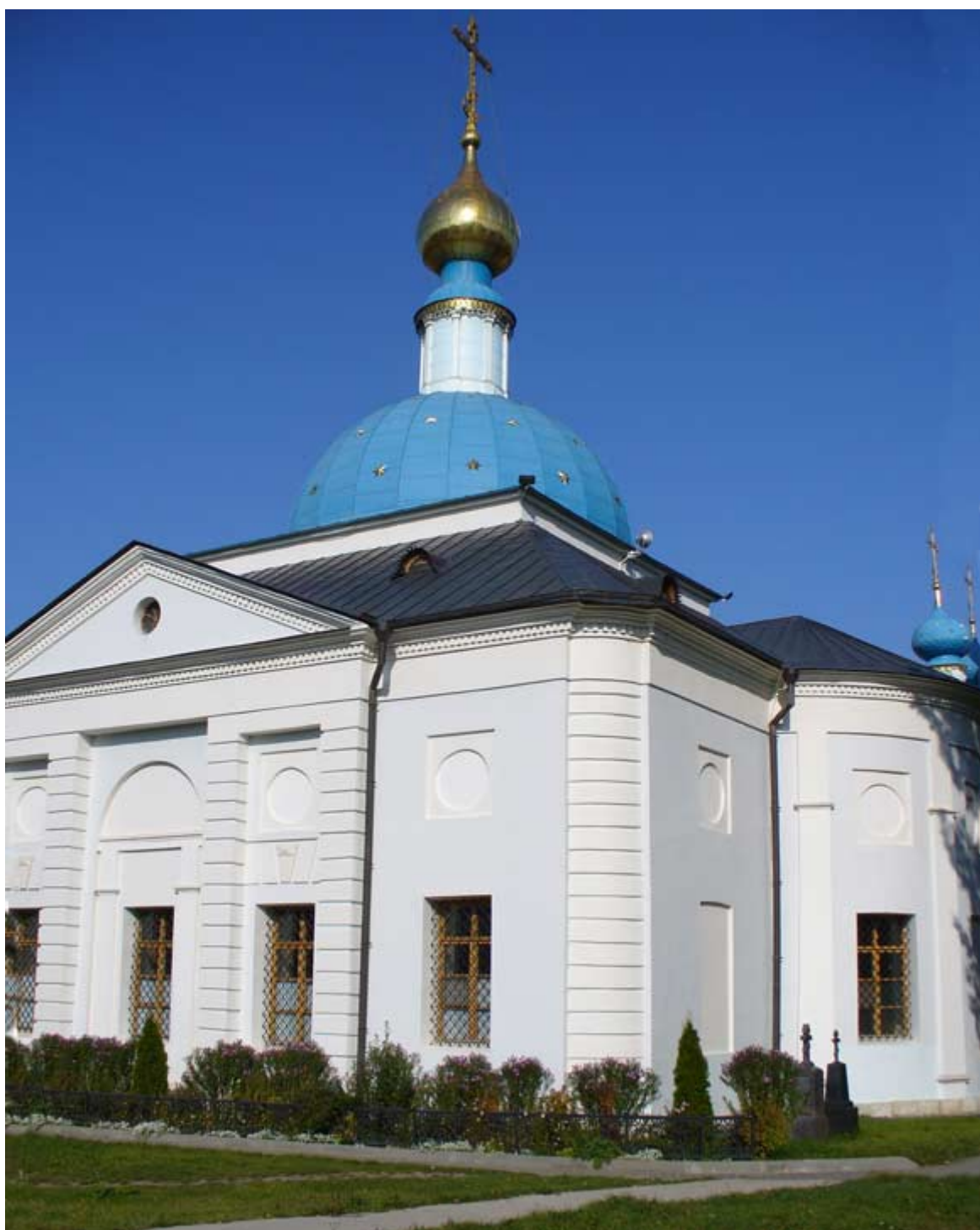

Ил. 32. Оптиная Пустынь. Фотография. Начало 21 века.

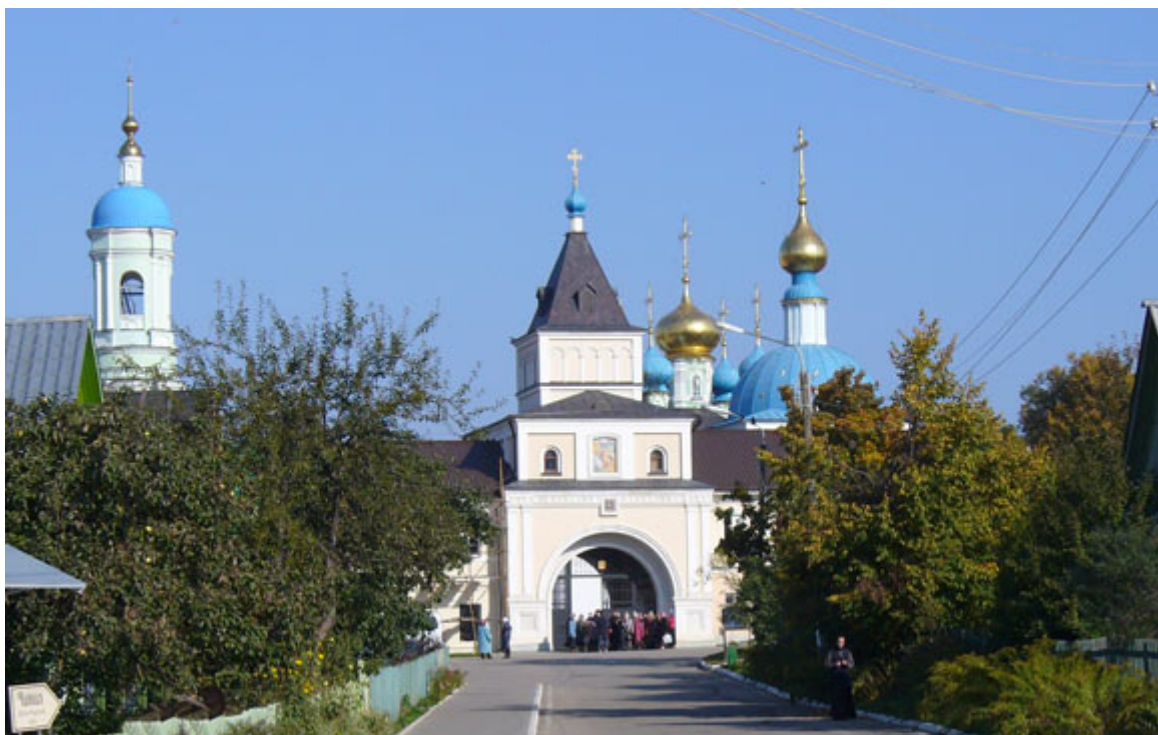

Ил. 33. Оптиная Пустынь. Фотография. Начало 21 века.

**Ил. 34. Оптиная Пустынь. Храм в честь Казанской иконы Божьей Матери. 1805 – 1811 г.
Фотография. Начало 21 века.**

Ил. 35. Опти́на Пу́стынь. Фотография. Начало 21 века.

Ил. 36. Вид Оптиной Пустыни. Фотография. Начало 21 века.

Приложение

1. История Оптиной Пустыни

Оптина Пустынь – один из древнейших монастырей России, расположенный на берегу реки Жиздры недалеко от города Козельска. Происхождение Оптиной Пустыни остаётся неизвестным. Можно предполагать, что строили её князья и бояре, а сами подвижники по призванию свыше покаянными слезами, трудом и молитвами.

Когда воцарилась на Руси династия Романовых, обители были пожертвованы земли. При Петре Первом для умножения государственных доходов на монастыри налагались пошлыны. Малочисленные пустыньки, в том числе и Оптиная, были упразднены. Братья в 1724 году переведены в Преображенский монастырь города Белева. Однако в 1726 году по прошению стольника Андрея Шепелева, поданному в Святейший Синод, Оптиная Пустынь вновь была открыта. Но монастырь оказался без всяких средств, почти на пустом поле. Несмотря на попечительность окрестных бояр, период оскудения продолжался и во время царствования Екатерины Второй.

К концу 18 века митрополит Московский и Калужский Платон, посетивший Оптину и поражённый красотой местности, принял надлежащие меры для восстановления в ней общежительской жизни. Духовное же возрождение Оптиной Пустыни началось лишь тридцать лет спустя, когда митрополит Филарет Киевский, бывший тогда епископом Калужским, принял решение об устройстве Скита. Внешние неблагоприятные для монастырей обстоятельства, длившиеся более столетия, не угасили духа веры в истинных подвижниках. Святость ушедших времён вновь оживает, возрождаясь в образе особого благодатного дарования – старчества.

Дух мира Христова, обрётённый через святое старчество, ощущался всеми посетителями обители – та особая атмосфера сосредоточенности и тишины, которая сразу же охватывала паломников.

Четыре храма стояли на территории монастыря, но особо чтимых святынь не имели. Главным духовным богатством почитались оптинские старцы, жившие в скиту, в полукилометре от обители. Скит – это как бы монастырь в монастыре, более уединённый и строгий. На его территории деревянная церковь во имя Иоанна Предтечи, первого пустынножителя. Скит потому и образовался в начале 19 века: некий монах построил себе отдельную от монастыря келью, чтобы пустынножительствовать – жить отшельнически, предаваясь молитве и духовному созерцанию. К нему впоследствии присоединились другие, способные к подобному монашескому подвигу. Но старцами – не по годам, но по духовному разуму – становились единицы. Духовный расцвет Оптиной Пустыни связан с именами её великих Старцев: преп. Льва, Макария, Моисея, Антония, Амвросия и их последователей.

Перед революцией в Оптиной было около трёхсот монахов. Трудно с уверенностью сказать, было ли в России когда – либо за всю её историю место, где в такой степени общество

людей приблизилось к идеалу христианских отношений, несмотря на испытания, скорби, ошибки, и где святое братство имело бы такое освящающее влияние на свой народ.

В то время в Россию усиленно проникала западноевропейская культура, и становилось всё больше людей, которые совершенно не принимали внутреннюю природу Церкви и монашества. К началу 20 века победу в душах людей одержал рационализм и как следствие – атеизм. Октябрьский переворот 1917 года и последующие события лишь показали всю глубину падения человеческой души, оторванной от Бога.

Декретом от 23 января 1918 года монастырь был закрыт, монахи изгнаны, многие арестованы, сосланы, погибли в лагерях. Обитель была разорена, разграблена, поругана. «Прекратила свою деятельность иконописная мастерская, основанная иеромонахом Даниилом – замечательным русским портретистом, академиком живописи Болотовым; запустевали храмы. Последний оптинский старец Нектарий (Николай Васильевич Тихонов) умер в 1928 году в селе Холмищи Брянской области. Лет через шесть весёлые молодые люди разрыли его могилу и открытый гроб прислонили к дереву...».

Прошли годы. Монастырём владело местное СПТУ. Приближался великий юбилей – тысячелетие Крещения Руси. Изволением Господним 17 ноября 1987 года Оптиная Пустынь была возвращена Русской Православной Церкви.

2. Оптиная Пустынь и деятели русской культуры

Оптиная Пустынь была неразрывно связана с русской культурой 19 – начала 20 веков. Огромное количество богомольцев разного возраста, звания и образования стремились именно в Оптину Пустынь. А между тем в Российской империи перед октябрьским переворотом 1917 года было более 1000 монастырей, около 100000 храмов. Но именно сюда, в Оптину Пустынь, к Старцам приезжали многие представители русской культуры: Киреевские, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, П. А. Вяземский, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьёв, С. М. Соловьёв, К. Н. Леонтьев (в монашестве Климент), С. А. Есенин, В. В. Розанов. Посещали обитель П. И. Чайковский и его брат М. И. Чайковский, Н. Г. Рубинштейн, Гончаровы (почти все родственники А. С. Пушкина по жене), граф Л. Н. Толстой, Великий князь Константин Константинович Романов (президент Императорской Академии Наук, религиозный философ, драматург, поэт), его дети – Великие князья: Олег (поэт), Игорь, Иоанн, Константин (замученные большевиками в Алапаевске), Великая княгиня Татиана (в монашестве Тамара), прмц. Великая Княгиня Елизавета и многие другие. Большинство из названных лиц не просто посещали монастырь, а были духовными чадами Оптинских Старцев.

«Открыл» Оптину для русской интеллигенции Иван Киреевский. В 1836 году, во время летнего пребывания в своём имении Долбино, находившемся в своём имении Долбино,

находившемся всего в 40 верстах от Оптиной Пустыни, Наталья Петровна, жена Киреевского, познакомилась с оптинским старцем Макарием и избрала его своим духовником. Тогда же, по всей видимости, познакомился с ним и её муж. Когда в 1845 году Киреевский ненадолго стал редактором «Москвитянина», он сумел склонить к сотрудничеству отца Макария – в результате во второй книжке «Москвитянина» за этот год появилось «Житие Паисия Величковского», первая, как потом окажется, ласточка многолетнего и чрезвычайного плодотворного сотрудничества Киреевских и оптинцев на литературном поприще.

Н. В. Гоголю принадлежит величайшая заслуга перед всей русской культурой, ибо он был одним из тех (чуть ли не единственным), кто повернул направление всей русской литературы со светского пути на религиозный, то есть христианский. Именно благодаря христианскому направлению русская литература и стала великой.

После посещения старца Макария Гоголь, который «не различал свет от тьмы», переродился: «Вошёл я к Старцу одним, вышел – другим». Впоследствии он писал: « Мне нужно ежеминутно быть мыслями выше житейского дрязгу, и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной Пустыни. Бог воздаст всем сторицею. За Ваше доброе дело. Ваш всею душой».

«Душевно недужный» - так характеризовали оптинцы Л. Н. Толстого «Горд очень», - заключил преподобный Амвросий, о котором Толстой сказал: «...когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога». В 1910 году в предсмертном томлении у Святых врат скита стоял Лев Николаевич Толстой, но так и не решился обратиться к старцу Иосифу (Литовкину), сменившему преподобного Амвросия. И всё – таки, узнав о смертельной болезни Толстого, в Астапово выехал о. Варсонофий (Плиханков), которого, однако, «толстовцы» к умиравшему не пустили.

Великий князь Константин Константинович Романов (1858 – 1915), внук Императора Николая Первого, двоюродный брат Императора Александра Третьего, стал известен в истории русской литературы под криптонимом К. Р. .

Константин Константинович был воспитан в традициях Царствующего дома Романовых и, подобно деду и отцу, был глубоко верующим человеком:

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем...

Он так любил монашество, что сам за год до женитьбы обратился к Императору Александру Третьему с просьбой отпустить его в монастырь, постричься в иночество. Государь упросил его не делать этого, а К. Р. не мог ослушаться, так как в большой семье Романовых

Государь был главой, и у него требовалось разрешение на всё. Оптиная Пустынь была особенно дорога для К. Р.. В библиотеке Мраморного дворца, где он жил, находились духовные книги, присланные оптинцами. А в монастырской библиотеке Оптиной Пустыни хранились его книги и письма.

3. Н. А. Павлович

Надежда Александровна Павлович (1895 – 1980) родилась в Лифляндии, теперешней Латвии 17(30) сентября. В 1920 году Н. Павлович становится одним из секретарей Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов, председателем которого был избран А. Блок. Встреча с Блоком освятила всю её жизнь, стала одним из глубоких впечатлений. Но есть ещё одна мало известная страница биографии Н. Павлович и связана она с отечественной святыней – Козельской Введенской Оптиной пустынью.

После смерти Блока, в тяжёлом душевном состоянии, приехала она в Оптину пустынь, где довелось ей стать сотрудницей первого Оптинского краеведческого музея, а кроме того, духовной дочерью последнего Оптинского старца иеромонаха о. Нектария.

В тяжёлые годы после закрытия Оптиной она помогала через Красный Крест, в котором работала, передавать ссыльным и заключённым из Оптиной, разбросанным в сталинских ГУЛАГах по всей стране, посылки, письма. Благодаря ей был спасён ценнейший архив и монастырская библиотека (перевезены и сданы в библиотеку им. В. И. Ленина), наконец её стараниями в 1974 году Оптина Пустынь получила статус памятника культуры и была поставлена на государственную охрану. Последние годы главной заботой Н. Павлович была реставрация Оптиной.

Надежда Павлович

Оптина

(Текст поэмы был напечатан в журнале «Москва» в 1991 году, в №7)

1
Ты, Оптина!
Из сумрака лесного,
Из сумрака познания моего,
Благословенная,
Ты выступаешь снова,
Вся белизна, и свет, и торжество.

Я каждый камень бережно узнаю,
Иконку на столбе
И старый твой паром.
Уже лепечет мне струя речная,
Уже встаёт за лесом отчий дом.

Твой колокол – он цел.
Ты слышишь, над лугами

Плывёт его спокойный, влажный гул
И ширится, и падает кругами, -
Так полно он, так медно он
вздыхнул.

Слепец и схимник –
Славный наш звонарь
Теперь он нищим бродит по округе.
Колокола поют в дожде и вьюге,
И он во сне ещё звонит, как встарь.
Открыты храмы. Дальняя дорога
К той паперти высокой привела
Меня и мой народ
Мой горький и убогий.
Едва дошли мы, - ноша тяжела.

Не блещет храм-
    убранством драгоценным,
И не видать прославленных мощей;
В нём даже мало теплится свечей, -
Всё просто и спокойно, и смиренно.

И настоятель служит, не спеша,
Как старый голубь,
    Кроток, бел и важен.
Напев пустынный скромн
    и протяжен,
Но в пенье изливается душа.

.....
Когда гостей негаданных, незваных
Шумливые замолкнут голоса,
Когда падёт в лугах благоуханных
Прозрачная тяжёлая роса, -

Лес встанет церковью.
    Синеет и курится,
Уходят в небо мощные стволы,
И белочка на ветке шевелится,
Синицы свищут из зелёной мглы.

Сама земля намолена годами,
Она хранит священный прах могил.
Вот по тропинке мелкими шагами
Идёт старик. Он немощен и хил,
Но блещет лик нездешними лучами.

И в лвиной мощи старец Леонид –
Кротчайший к слабым,
    Перед сильным строгий

—
С учениками по лесной дороге
Идёт проведать новозданный скит.

Макарий с книгой,
    Благостный Антоний,
И с посохом тяжёлым Моисей,-
Стоите вы под храминой ветвей,
Написаны искусно на иконе –
Иконе леса, неба и лучей.

2

Розовеют скитские ворота,
И белеет хибарка твоя.
Там, у входа, - простой работы
-Стерлись краски и позолота –
С чёрным враном пророк Илья.

И другие отцы пустынные
Предстоят на святых вратах:
Лики узкие, бороды длинные,
Или крест, или свиток в руках.

И когда отойдёт повечерие,
Под Казанскую, летним днём,
К этой маленькой, белой двери,
К этой белой хибарке пойдём.

Постучимся, и нам откроют,
И охватит такая тишь...
Дорогое моё, дорогое,
За каким ты порогом спишь!

У иконы «Достойно» лампада
Зацветает алым огнём;
После жаркого дня – прохлада,
После странствий – родимый дом.

Не одна я стою пред тобою:
Отовсюду с Русской земли
Шли с молитвою, шли с сумою
И к порогу хибарки пришли.

Та высокая, в чёрном платочке,
Та весёлая, с ясным лицом-
Будь мне матерью! Будь мне дочкой!
Будь сестрою, - мы вместе идём.

Та вчера потеряла сына,
Та безмужней осталась вдовой, -
А моя – то, моя – то кручина,
Никогда, ничего вполонину
В неизбывной борьбе с судьбой!

От Тамбова и дальней Сибири,
От Рязани и от Соловков
В неоглядной Российской шири
Слышен шелест и шум шагов.

Вся страна моя плачет и дышит
И вздыхает здесь горячо.
И плечо моё теплое слышит
Прикоснувшееся плечо.

3

В высокой шапочке на седилах,
С гранатовыми чётками в руках
И в старенькой твоей епитрахили –
Тебя я вижу через столько лет,
Как юности незаходимый свет.

Ты не забыл, -
Лишь мы тебя забыли.

В смиренье величавом он идёт,
Благословляя плачущий народ.
Стань рядом с ним, как прежде,
на колени:

Он – старый, слабый –
бережно понёс
Всё наше бремя и грехов и слёз
По этим стёртым оптинским
ступеням.

Он нёс их в келью,
дальше нёс в тюрьму,
И дальше нёс в неславное изгнание,
У злого мужика на послушанье,
И умер у него – в чужом доме.

4

Юродивый

«Гаврюша, ты?» -
«Косёк, Косёк, здорово!
Нет мне земли!» -
И плачет и бежит.
Прозрачный взгляд
Из – под бровей суровых,
Мешок песком и книгами набит.

Ругается на богомолков чинных
Или бормочет непонятный вздор,
А взор всё тот же,
Грозный и невинный,
В незримое давно ушедший взор.

И старец привечал его, как брата.
«Гаврюша!

С каждым днём мне тяжелей!»
«А чёточки? Ты ими супостата
Покрепче бей!!

5

Холмищи

Что мы знаем о нашем нищем,
О послушническом пути!
По Холмам он лёг, по Холмищам,
Утомились ноги брести.

Там отца моего могила,
Высока, широка и светла.
Недалёко она отступила,
Отошла от большого села.

Как идти за грибами ребятам,
Как в ночное прогнать лошадей, -
Всё глядит она глинистым скатом,
Всё маячит крестом меж ветвей.

Овода золотые, литые
В жаркий полдень над нею кружат,
Заплетаются травы густые,
Смола каплют и дятлы стучат.

Приминается пыль на дороге
Налетевшим весёлым дождём,
И целую я холмик пологий,
Прижимаюсь горячим лицом.

От обиды моей нестерпимой,
От позорной и злой клеветы
Не укроешь меня ты, родимый,
Не захочешь укрыть меня ты.

Словно дерево, бурям открытое,
Ты растил меня в грозные дни,
Вот и бьёт меня буря сердитая,
Рвёт зелёные листья мои.
Дай мне силу и дай мне терпение
Всё увидеть, услышать – и жить!
Дай нести мне земное служение,
Чтоб небесные песни сложить!

6

Сказание об отце Никоне

Вот они – отошедшие братья,
В чуть заметном сквозном венце.
Изорвалось в дороге платье,
Ни кровинки в усталом лице.

По дорогам – то, по дорогам,
По острогам – то, по острогам
Сколько выхожено путей!
Помолитесь же ради Бога
О душе смятенной моей!

Вот один –

Рыжевато – русский –
Поглядел. Покачал головой...
Умирал он с молитвой Иисусовой,
Догорал свечой восковой.

Без друзей тосковал он в изгнании
И остатками гаснувших сил
В умилении и покаянии
Имя Оптиной часто твердил.

Широка, прозрачна Пинега,
Широки заливные луга.
А пески – то, белее снега,
А мягки – утонет нога.

Жарким летом по травам длинным,
По сыпучим речным пескам
На полозьях везли домовину, -
Был усопший лёгок и прям.

Волос русый с седым мешался,
Но казалось лицо молодым,
И тихонько он улыбался
Именинам небесным своим.

А за гробом плелась Ириша.
Послужила отцу она
Всех послушней, нежней и тише
И до смерти была верна.

И при ней – то в смертном томлении
Приподнялся больной и сказал:
«Вот какое к нам посещение!
Дай же стул!» - и лицом просиял.

«Это старец Макарий, родная,
Он пришёл исповедать меня».
И горела заря, не сгорая,
Купиной золотого огня.

И незримая длилась беседа
И Ириша не смела прервать.
Или бред? Но ведь не было бреда!
Или сон? Не ложился он спать.

А когда духовник сокровенный
Отошёл в предрассветную синь, -
Лик спокойный, счастливый,
Блаженный
Чуть желтел среди белых простынь.

7 Эпилог

Оптина, Оптина, отчина!
Отчий разрушенный дом!
Свет из окон заколоченных,
Свет на пороге твоём.

Всё, что надвинулось страшного,
Всё, что мне душу сожгло.
Здесь пред стеной многобашенной,
Лугом зелёным легло.

К старцу на исповедь в очередь
Встану в последний ряд.
Пусть и для блудной дочери
Сосны твои шумят!

Пусть тишиной непостыдную
Твой раскрывается рай.
Белая, молниевидная,
Явственно заблистай!

Камни, повитые травами,
Главы, омытые славою,
Грозный Господень дом,
Весь в светоносном облаке,
В неизречённом облике, -
В мире восходишь ином!